

Типология метафор падения

Е. В. Рахилина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва;
rakhilina@gmail.com

Т. И. Резникова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва; tanja.reznikova@gmail.com

Д. А. Рыжова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва; daria.ryzhova@mail.ru

Аннотация. В статье обсуждаются метафорические употребления глаголов падения, выявленные на материале 20 языков. Для изучаемых лексем характерен широкий спектр переносных значений, причем модели сдвигов регулярно повторяются по крайней мере в нескольких языках выборки, ср. известную метафору LESS IS DOWN, а также, например, семантику наступления сезона или времени суток, превращения, капитуляции, отставания от группы и мн. др. Мы показываем, что источником переносных употреблений в каждом случае следует считать не идею падения в целом, а конкретный фрейм в структуре поля, т. е. определенный тип неконтролируемого перемещения вниз. В частности, наступление временного периода восходит к падению с более высокой поверхности, превращение — к потере вертикальной ориентации, капитуляция — к разрушению, отставание от группы — к откреплению. Связи такого рода хорошо прослеживаются при типологическом анализе механизмов семантического сдвига.

Ключевые слова: лексическая типология, глаголы падения, метафора, типология метафор.

The metaphors of falling

E. V. Rakhilina

National Research University Higher School of Economics,
V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,
Moscow; rakhilina@gmail.com

T. I. Reznikova

National Research University Higher School of Economics, Moscow;
tanja.reznikova@gmail.com

D. A. Ryzhova

National Research University Higher School of Economics, Moscow;
daria.ryzhova@mail.ru

Abstract. The paper discusses the metaphorical extensions of FALLING verbs, identified on a sample of 20 languages, including, besides several Standard Average European languages, Mandarin Chinese, Japanese, Aghul, Adyghe, Basque, and some other languages from different language families. The verbs under study are characterized by a wide range of figurative meanings, which are shown to be recurrent across languages, cf. the well-known pattern LESS IS DOWN, as well as the semantics of the onset of a season, transformation, surrender, lagging behind a group, and many others.

The study is conducted within the frame-based methodology: figurative meanings of the verbs with initial semantics of falling are revealed from dictionaries and corpus data, as well as via elicitation with the help of a context-based questionnaire specifically designed for these purposes. The revealed metaphorical usages of FALLING verbs in different languages are reported mostly in the corresponding papers of the present volume. This paper gives an overview of the attested figurative meanings of the verbs denoting uncontrolled downward motion and offers a typological analysis of the detected patterns.

Based on the typological data, we argue that the derived meanings should be traced back not to the idea of falling in general, but to a particular frame of falling, i.e. to a certain type of uncontrolled downward motion: falling from above (from an upper surface), loss of vertical orientation, destruction, or detachment. Thus, the onset of the time period goes back to falling from an upper surface, transformation is derived from loss of vertical orientation, surrender from destruction, and lagging behind a group from detachment.

Keywords: lexical typology, verbs of falling, metaphor, typology of metaphors.

1. Введение

Ключевой процедурой для фреймового подхода, развиваемого представителями Московской лексико-типологической группы (MLexT), является корпусный анализ лексем исследуемого семантического поля. При помощи корпуса определяется список слов, относящихся к полю в данном языке, выявляется набор ситуаций, релевантных для сравнения стратегий лексикализации, формулируются вопросы

типологической анкеты (подробнее см. [Рахилина, Резникова 2013], а также нашу статью «Глаголы падения в языках мира: фреймы, параметры и типы систем» в этом выпуске). Но корпус позволяет решать и еще одну лексико-типологическую задачу — сопоставлять переносные значения слов изучаемого поля в разных языках.

Обратим внимание, что подобная задача не всегда ставится при типологическом исследовании лексических единиц. Так, в проектах, выполненных в рамках экспериментального подхода (см., например, [Majid, Bowerman (eds.) 2007; Копецка, Narasimhan (eds.) 2012]), полисемия обычно не учитывается — во многом потому, что сама процедура сбора языкового материала (фиксация реакции носителей на экстралингвистические стимулы — картинки, видеоклипы и под.) не предполагает выявления употреблений слов вне анализируемой семантической области¹. Действительно, если информанту, например, демонстрируют видеоклип, в котором человек разрывает пополам кусок ткани, то эксперта будет интересовать, какая лексема описывает эту ситуацию и в каких еще ситуациях из набора видеостимулов она может употребляться. При этом исследователю не столь важно, выступает ли данная лексема в подобных контекстах в своем прямом или переносном значении: существенной оказывается только ее применимость к той или иной ситуации из исходного набора стимулов.

В то же время среди лексико-типологических исследований имеются работы, нацеленные как раз на изучение полисемии и сопоставление спектра значений слов в разных языках, ср. прежде всего [François 2008] и базу данных CLICS² [List et al. 2018]. Однако и эта идеология отличается от принципов, реализуемых в проектах MLexT при анализе семантических сдвигов. Дело в том, что термин колексификация — в том понимании, в котором он был введен в статье [François 2008] и применяется в CLICS², — не предполагает дифференциации между прямыми и переносными употреблениями лексемы. Речь идет о совмещении значений в одной лексеме — неважно при этом, являются ли эти значения исходными или производными. Так, например, для поля ‘прямой’ в [François 2008] в одном ряду рассматриваются значения, представленные в словосочетаниях ‘прямая линия’, ‘идти прямо к цели’, ‘прямой характер’, ‘говорить напрямую’ и др.

¹ Ср., однако, экспериментальные исследования метафор восприятия, несколько отличающихся по своим свойствам от стандартных метафорических преобразований [Dolscheid et al. 2013; Speed et al. 2019].

Напротив, в проектах MLexT переносные (прежде всего нефизические) употребления лексем всегда рассматриваются отдельно от прямых (физических) (ср. аналогичное решение в [Georgakopoulos, Polis under revision]). Такой подход позволяет не просто констатировать сходства и различия в наборе значений у лексем из разных языков, но и искать объяснения для того или иного семантического сдвига. Принципиально, однако, что объяснения, которые предлагаются в рамках фреймового подхода (см., например, [Майсак, Рахилина 2007; Круглякова 2010]), связывают производное значение не с лексемой в целом и даже не с каким-то из ее значений (ср. в этом отношении традиционную лексикографическую практику, где переносные употребления включаются в единый список с прямыми — как если бы все метафоры восходили к первому значению). Отношения семантической производности мы устанавливаем между переносным употреблением и **фреймом** (о фрейме в терминологии MLexT см. подробнее [Рахилина, Резникова 2013] и нашу статью «Глаголы падения в языках мира: фреймы, параметры и типы систем» в этом выпуске).

Связь метафоры и фрейма не всегда удастся показать в пределах одного языка. Если лексема покрывает сразу несколько фреймов семантического поля, то мы можем лишь предположить, какой аспект ее исходной семантики послужил конкретным источником для переносного значения. Однако типологическая перспектива позволяет верифицировать эту гипотезу. Так, *плавать* в русском описывает по крайней мере три фрейма зоны плавания: ‘активное движение в воде’ (*мальчик плывал у берега*), ‘движение судов или на судах’ (*капитан трижды плывал в Индонезию*), ‘нахождение на поверхности воды’ (*в супе плавают морковки*). В одном из переносных употреблений *плавать* выражает семантику неустойчивости и неуверенности (*плывал на экзамене*). Чтобы выявить конкретный фрейм, послуживший источником этой метафоры, мы обращаемся к системам, в которых фреймы плавания распределены между разными лексемами. Пример такой системы представлен в английском, ср. *swim* для активного движения в воде, *sail* для судов и *float* для нахождения на поверхности. Метафора неустойчивости развивается от *float*, т. е. от идеи пассивного плавания, при котором субъект качается из стороны в сторону на поверхности воды. Кроме того, все глаголы выборки, которые способны выражать подобную метафору, могут описывать в прямом значении ситуацию нахождения на поверхности. Тем самым источником сдвига в зону неустойчивости и неуверенности мы считаем не семантику движения в воде

в целом, как можно было бы предположить на основе русского *плавать* или данных других доминантных систем, а фрейм пассивного нахождения на поверхности, см. [Майсак, Рахилина 2007].

В настоящей статье мы обсудим переносные употребления и фреймы, мотивирующие их появление, на материале семантического поля падения. Таким образом, нашими задачами здесь будет, во-первых, составление типологического инвентаря семантических переходов, источником которых могут выступать глаголы неконтролируемого перемещения вниз, а во-вторых — выявление конкретных фреймов падения, от которых развивается каждое из переносных значений.

При анализе метафор мы опирались на языковую выборку, несколько уступающую по размеру той, которую мы использовали для исследования исходной семантики глаголов. Сокращение числа языков связано с двумя факторами: во-первых, в некоторых языках, как, например, в чукотском, у глаголов падения просто не удалось обнаружить переносных употреблений. Во-вторых, работа с метафорическими значениями методологически сложнее, чем с исходными, ср. [Рахилина и др. 2010а, Рахилина, Резникова 2013].

Действительно, естественным источником данных о производной семантике лексем служат толковые словари и корпуса. Однако, во-первых, корпус должен быть довольно объемным, чтобы в нем в достаточном количестве нашлись примеры переносных употреблений лексемы. Во-вторых, корпус может содержать окказиональные случаи использования лексики, которые следует отличить от конвенционализированных метафор. В-третьих, словарь нередко содержит устаревшие контексты: неоднократно в ходе проекта значения, зафиксированные в словарях, отвергались нашими информантами. Наконец, многие языки просто не снабжены корпусными и/или словарными ресурсами. К таким языкам мы можем обратиться только после того, как на материале «ресурных» языков был сформирован предварительный список типологически возможных метафор: этот список служит своего рода анкетой при изучении малых языков. Тем не менее опрос информантов в зоне метафорических (т. е. зачастую абстрактных) употреблений тоже становится непростой задачей.

Как правило, носитель легко может назвать лексему, описывающую ту или иную физическую ситуацию. Подобрать подходящее слово для абстрактной сущности информанту гораздо труднее. Кроме того, исследователя в этот момент интересует не любой способ описания абстрактной ситуации, а конструкция с использованием лексемы нужного поля.

Между тем, метафорические употребления лексемы обычно в большей степени, чем исходные, привязаны к контексту, и если эксперт в ходе опроса предложит не хорошо знакомую носителю конструкцию, а семантически близкий к ней вариант, то с большой вероятностью ему не удастся выявить интересующее его употребление.

Например, представим себе гипотетическую ситуацию: из исследования типологического материала нам известно, что глаголы падения могут обозначать ухудшение способности к слуховому восприятию. С этим знанием мы (не будучи носителями русского языка) приходим к информанту и спрашиваем его, возможно ли в русском употребление типа *ухо / слух падает*. Наивный носитель, скорее всего, даст отрицательный ответ и едва ли вспомнит, что аналогичное значение реализуется в отношении зрительного восприятия (ср. *у него начало падать зрение*).

Конечно, этот гипотетический пример отражает довольно очевидный случай смежности метафорических контекстов: опытный эксперт, зная о существовании в других языках конструкций со 'слухом', обязательно проверит употребления, описывающие зрительное восприятие. Однако это означает, что в случае переносных значений отдельной проверки требует огромное число контекстов. Кроме того, не все возможные метафорические контексты удастся предугадать по аналогии с уже выявленными ранее.

Итак, сбор языковых данных, отражающих переносные употребления лексем, представляет собой отдельную — и чрезвычайно трудоемкую — задачу, так что не для всех языков, включенных в выборку проекта, проводился анализ семантических переходов. В итоге при изучении метафор мы в основном опирались на данные 22 языков, среди которых прежде всего индоевропейские (русский, словенский, английский, немецкий, норвежский, французский, испанский, греческий, хинди, панджаби, гуджарати, шугнанский), но также тюркские (казахский, турецкий), уральские (финский, коми), нахско-дагестанский (агульский), абхазо-адыгский (адыгейский), семитский (тигринья), сино-тибетский (китайский), японо-рюкюский (японский) и языки-изоляты баскский. В той или иной степени привлекался также материал сербского, армянского (<индоевропейские), тамильского (<дравидийские) и корейского.

В основной части статьи мы обобщим результаты, полученные при изучении переносных значений глаголов с семантикой падения в этих языках. Этот материал ярко иллюстрирует обсуждавшийся выше тезис

о том, что источником семантического сдвига выступает не исходное значение лексемы в целом, а определенный фрейм из спектра выражаемых ею ситуаций: каждый фрейм поля падения порождает свой набор метафорических употреблений. Соответственно, дальнейшее изложение будет строиться от исходных значений: мы последовательно рассмотрим четыре области-источника — падение с высоты (*Раздел 2*), потерю вертикальной ориентации (*Раздел 3*), падение-разрушение (*Раздел 4*) и открепление и выпадение из контейнера (*Раздел 5*) — и обсудим (*Раздел 6*), какие метафоры развивают лексемы такой семантики.

2. Падение с высоты

Центральный фрейм поля падения — перемещение с одной поверхности на другую, расположенную ниже исходной (ср. ‘чашка упала со стола’ или ‘вдруг мне на голову упал мяч’) — оказывается самым богатым источником переносных употреблений. Разнообразие путей метафоризации обусловлено тем, что изначальная физическая ситуация подразумевает различные стадии и несколько вариантов наблюдения, так что семантический сдвиг может профилировать тот или иной ее аспект.

Во-первых, в фокусе внимания может оказываться само перемещение, т. е. различие между начальным (более высоким) и конечным (более низким) положением движущегося субъекта. Метафорически это различие переосмысливается посредством известных концептуальных схем LESS IS DOWN и BAD IS DOWN (2.1).

Во-вторых, выделяться может конечная точка движения² — в этом случае тип переносного значения зависит от роли в ситуации участника — одушевленного лица. Если лицо выступает субъектом ситуации, т. е. человек сам падает куда-либо, то сдвиг основан на том, что вследствие падения траектор начинает находиться в новом месте. Под этим местом метафорически понимается определенное состояние человека, — тем самым результирующий контекст описывает начало нового эмоционального, социального или иного состояния субъекта (2.2).

² Отметим, что начальную точку падения выделяет фрейм ‘выпадения из контейнера и открепления’, так что соответствующие метафоры мы рассмотрим в *Разделе 5*.

Если же человек является наблюдателем, находящимся в конечной точке движения, то при метафорической интерпретации может возникнуть целый комплекс значений, подразумевающих неожиданный контакт человека с перемещающимся субъектом, — конкретная реализация метафоры зависит от типа падающего траектора (2.3).

2.1. LESS / BAD IS DOWN

Одна из классических ориентационных метафор, претендующих, согласно [Lakoff, Johnson 1980], на статус универсальных, предполагает, что увеличение значений любого параметра — размера, скорости, веса и проч. ассоциируется с движением вверх (MORE IS UP), а их уменьшение — с движением вниз (LESS IS DOWN). Соответственно, как кажется на первый взгляд, вполне закономерно, что падение, т. е. перемещение сверху вниз, связывается с идеей уменьшения. И действительно, эта метафора регулярно встречается в языках нашей выборки, ср. в русском *температура падает, упал спрос на квартиры*, см. также англ. *fall*, норв. *falle*, франц. *tomber* и *chuter*, хинди *girnā*, пандж. *ḍignā*, гудж. *parvu*³, финск. *pudota* и *tippua*, турецк. *düşmek*, тигринья *wädäkä*, японск. *ochiru*, тамил. *vīzu*, корейск. *tteleci-ta*.

Падать могут значения числовых величин (температура, давление, цены, курсы валют, численность населения и т. д.)³. Речь может идти о градуируемых явлениях, не измеряемых числовыми показателями, — в этом случае имеется в виду уменьшение их интенсивности (желание, воодушевление, интерес, волнение). Наконец, в некоторых языках глагол падения может применяться к сущностям, оцениваемым не по степени интенсивности, а по шкале ‘хорошо — плохо’. Подобные употребления отражают несколько иную разновидность ориентационных метафор, также упоминаемую в [Lakoff, Johnson 1980], — BAD IS DOWN, ср. казахское устойчивое выражение *көңіл-і түсу* (настроение-3.POSS спускаться / падать) ‘расстроиться’, см. также в японском

³ В отношении некоторых контекстов из этого списка (по крайней мере цен и курсов валют) можно было бы предположить, что соответствующее употребление появилось в результате калькирования. Показателен в этом отношении казахский глагол *құлау* ‘падать’, для которого — в отличие от лексемы *төмендеу* ‘понижаться’ — характерна довольно узкая сочетаемость, см. (37) о курсе тенге.

(14a)⁴ об ухудшающемся вкусе еды, в турецком (42) о сервисе. Особый вариант этой метафоры представлен в контекстах, в которых «ухудшающимся» субъектом выступает не абстрактная сущность, а человек: такие контексты описывают моральную деградацию, ср. рус. *как он мог так низко пасть*, см. также (85) в гуджарати.

Примечательно, что при переходе к оценочным употреблением меняется акциональный класс предиката ‘падать’, что может приводить к изменению его морфосинтаксических свойств. Действительно, в своем исходном пространственном значении ‘падать’ относится к классу предельных процессов, тогда как в оценочных контекстах подразумевается стативное качество, метафорически осмысляемое как результат падения. Тем самым семантический сдвиг в данном случае, в отличие от классической метафоры, предполагает не просто мену таксономического класса предиката и его актанта (ср. [Падучева 2004]), но и одновременный переход от ситуации к ее результату, т. е. когнитивную операцию, характерную для метонимии (ср. [Кустова 2004, Падучева 2004], а также понятие *end-point metonymy*, например, в [Lakoff 1987, Brugman 1988]). Такие комплексные переходы в [Рахилина и др. 2010b] признаются особым, имплицативным, типом сдвигов (близких по своему механизму к семантическому процессу, сопровождающему грамматикализацию) и описываются под термином «ребрендинг», то есть тотальная перестройка семантико-синтаксических свойств лексемы.

Одним из конституирующих свойств ребрендинга является изменение при семантическом сдвиге морфосинтаксических свойств лексемы — именно такие процессы мы наблюдаем в результате перехода от падения к оценочным употреблением. Так, в японском форма *настояще-будущего времени* от *ochiru* в исходном значении задает проспективную интерпретацию (‘вот-вот упадет’), тогда как в оценочном контексте (14б) — букв. ‘падает относительно образца’, т. е. ‘уступает образцу’ — она характеризует постоянное свойство субъекта (см. статью А. С. Паниной в этом выпуске). Характерным морфосинтаксическим проявлением стативизации служит также использование отглагольных именных форм: показательно, что значение моральной

⁴ Здесь и далее номера в скобках при указании на язык отсылают к примеру из статьи об этом языке. Текстовые примеры приводятся только для русского (из НКРЯ), французского (*fiTenTen17*) и адыгейского — из статьи [Багирикова, Рыжова в печати], которая публикуется в другом издании.

деградации реализуется прежде всего в атрибутивных дериватах, ср. тур. *düşkün*, рус. *падший*⁵.

Источником семантических сдвигов по моделям LESS / BAD IS DOWN выступает, как и во всех переносах, рассматриваемых в настоящем разделе, фрейм падения с высоты. Об этом свидетельствуют данные дистрибутивных систем, в которых неконтролируемое перемещение с более высокой поверхности вниз выражается отдельной лексемой, не распространяющейся на остальные типы падения. Так, в адыгейском на ситуациях падения сверху специализируется глагольный корень *fe-* — именно он и участвует в конструкциях с семантикой уменьшения / ухудшения:

- (1) *уасэхэр кьэфэхыгъ*
 wasc-xe-г **q-je-fe-xə-v**
 цена-PL-ABS DIR-DAT-падать-DOWN-PST
 ‘Цена упала’.

Вместе с тем в подобных употреблениях не всегда используется основной глагол, описывающий перемещение с высоты. В частности, в китайском метафору уменьшения выражает лексема *jiàng*: она тоже указывает на неконтролируемое движение сверху вниз, но только для узкого класса субъектов, ее значение — ‘выпадать (об осадках)’.

Но неконтролируемость вовсе не обязательна для развития семантики уменьшения / ухудшения: ее источники могут лежать и за пределами поля падения, ср. тигринья, где основным средством для описания снижения количественных показателей или интенсивности является глагол агентивного движения вниз *wärädä* ‘спускаться’. Употребление *wädäkä* ‘падать’ в подобных контекстах возможно, только если речь идет об очень резком изменении. Более того, *wädäkä* еще и предполагает, что оцениваемый параметр опустился до некоторого нулевого уровня — видимо, так переинтерпретируется физическая идея абсолютной конечной точки (поверхности земли или пола). Действительно, спускаясь, траектор может остановиться на произвольном уровне высоты, падение же в прототипическом случае неизбежно заканчивается на нижней поверхности пространства. Семантика нулевого уровня, в частности, препятствует употреблению *wädäkä* в отношении температуры или давления человека, см. [Булах, этот выпуск].

⁵ Ср. аналогичные эффекты в поле глаголов боли [Брицын и др. 2009, Рахилина и др. 2010a].

Таким образом, в тигринья функционирует по крайней мере два глагола, согласующихся с концептуальными схемами LESS / VAD IS DOWN. Метафорические способы описания уменьшения / ухудшения за пределами падения характерны и для многих других языков, ср. функционирующие как в физических, так и в абстрактных контекстах рус. *понижаться, опускаться*; нем. *sinken* ‘опускаться’; франц. *descendre* ‘спускаться’, *baissier* ‘понижаться’; фин. *rainua* ‘опускаться’ и др. Несколько конкурирующих лексем встречается иногда и собственно внутри зоны неконтролируемого перемещения сверху вниз, ср. во французском *tomber* и *chuter*. По свидетельству М. В. Жуковой и И. Кор Шаин (см. статью в этом выпуске), эти лексемы выступают в разных метафорических контекстах: *chuter* «специализируется» на количественных шкалах (понижение температуры, уровня продаж и т. д.), а *tomber* — на интенсивности абстрактных сущностей (чувств, переживаний и под.).

Все эти факты — наличие нескольких альтернативных путей метафоризации с трудно предсказуемым распределением, использование в качестве источника не общих глаголов падения сверху, а лексем с узким исходным значением — свидетельствуют о том, что связь между падением и уменьшением не столь прямолинейна, как кажется на первый взгляд. К этому же выводу приводит и попытка соотнести интересующий нас семантический сдвиг с мотивирующей его образной схемой.

Действительно, физической основой переноса MORE IS UP / LESS IS DOWN обычно считается ситуация добавления вещества или отдельных объектов в какой-либо объем или кучу: чем больше содержимого, тем выше его уровень, см. [Lakoff, Johnson 1980]. На основе этой образной схемы можно было бы предположить, что значение абстрактного увеличения / уменьшения должно развиваться из семантики повышения / понижения физического уровня поверхности. Иными словами, интересующие нас здесь глаголы падения сначала должны расширять свой семантический потенциал до физической ситуации понижения уровня, а потом уже переноситься на уменьшение более абстрактных величин, не предполагающих зрительного образа.

В принципе в некоторых языках лексемы ‘падать’ и в самом деле могут выступать в контексте наблюдаемого понижения уровня, ср. прежде всего об уровне воды в реке — его снижение могут описывать, например, *fallen* в немецком, *girnā* в хинди, *ḍignā* в панджаби, *pudota* в финском, ср. также рус. *спадать* и словенск. *upasti*. Однако подобное

употребление характерно далеко не для всех глаголов, переносящих идею вертикального перемещения вниз на абстрактное уменьшение. Кроме того, если некоторые лексемы и используются в отношении физического понижения уровня, то они оказываются допустимы в ограниченном наборе контекстов.

Так, *спадать* в русском может применяться к уровню воды, но не сыпучих веществ или множественных объектов — скажем, куча песка не *спадает*, а *оседает*. Между тем, в метафорических контекстах выступает как раз *спадать*: температура может *спадать*, но не *оседать* — хотя, казалось бы, образ ситуации, стоящей за оседанием, должен мотивировать перенос на абстрактные шкалы. Более того, *спадать* в абстрактной зоне покрывает только узкий класс случаев: речь идет о параметрах, восстанавливающих свое обычное значение, ср. *температура спала* (=вернулась из стадии повышенной к обычным показателям), *напряжение спало* (=субъект вернулся к нормальному состоянию). Такая семантика хорошо согласуется с идеей понижения уровня воды (он *спадает* после наводнения или другого нестандартного повышения). Остальные абстрактные параметры могут *падать*, но не *спадать* (ср. благосостояние, число вакансий, посещаемость и др.). Таким образом, если для уменьшения, следующего за увеличением, понижение уровня воды действительно может служить ясной наблюдаемой основой, то физическая ситуация, мотивирующая метафорическое употребление беспрефиксального *падать*, остается неочевидной.

Итак, при более пристальном внимании к механизму семантических сдвигов оказывается, что метафора, концептуализующая уменьшение через падение, не столь прозрачна; соответственно, известная модель LESS IS DOWN еще нуждается в подробном анализе и уточнении — желательно с учетом типологических и диахронических данных.

2.2. Начало состояния

В обсуждавшихся только что конструкциях, описывающих уменьшение /ухудшение, конечная точка падения обычно не выражается (только в случае числовых параметров возможно указание на определенное значение, ср. *ночью температура упала до нуля* — но при этом используется, как правило, не стандартный для данного языка способ кодирования цели движения, а показатели предела, ср. предложные

группы с *do* в русском (см. статью О. А. Культепиной в этом выпуске) или терминативный маркер в японском (136)). Напротив, для метафоры начала состояния, о которой пойдет речь здесь, конечная точка является обязательной — именно она главным образом определяет результирующую семантику выражения с глаголом ‘падать’.

В качестве такой конечной точки выступает состояние: оно метафорически представляется как контейнер, в который падает субъект-человек. В результате падения субъект начинает находиться в этом контейнере-состоянии, тем самым переносная семантика конструкции задает начало новой ситуации. Подобные контексты могут описывать эмоции, психологический настрой субъекта — например, отчаяние, ярость (рус. *впасть в*, англ. *fall into* (35), фин. *langeta* (94)), печаль (казах. *түсу*), беспокойство (адыг. *xefe-*). Иногда в фокусе оказывается физиологическое состояние субъекта — сон, болезнь, судороги (нем. *in Krämpfe / ins Koma fallen* букв. ‘упасть в судороги / в кому’, шугн. (81) о сне). Конечная точка может называть чувство, которое субъект испытывает к другому человеку — любовь (англ. *fall in love*, ср. аналогичные выражения в турецком, корейском, японском), или отношение к субъекту со стороны других — немилость (ср. рус. *впасть в немилость* или норвежский аналог *falle i unåde*), подозрение (нем. *in Verdacht fallen* букв. ‘упасть в подозрение’).

Метафорической целью падения иногда становятся ошибки, которые совершает субъект, ср. ‘ошибаться’ как ‘падать в ошибку’ в турецком (52) и рус. *впасть в заблуждение*. Ошибочное представление о положении дел может быть каузировано другим участником ситуации, и тогда речь идет о ‘падении в обман’⁶, ср. хинди (68), или ‘в ловушку’, которая в таком контексте понимается метафорически

⁶ Обратим внимание, что в шугнанском один из глаголов, задействованных в поле падения, — *dédow* — тоже развивает метафору начала состояния (см. (81) о засыпании). Однако в конструкции со словом ‘обман’ эта лексема — в отличие от глаголов падения в других языках — дает агентивную, а не пациентивную интерпретацию (т. е. ‘обмануть’, см. (82), а не ‘быть обманутым’). Необычность результирующей семантики обусловлена здесь исходным значением глагола: собственно, *dédow* означает ‘ударить’, а с идеей падения он связан метонимически, через представление об ударе в конечной точке (подробнее см. статью Е. В. Рахилиной и Ш. С. Некушовой в этом выпуске). Агентивность начального значения проявляется при сочетаниях с абстрактными именами, описывающими ситуацию с двумя участниками, как ‘обмануть’ или ‘спрашивать’ — и это «наследие» двухместного ‘ударить’, тогда как в одноместных ситуациях (‘заснуть’, ‘заболеть’)

(ср. казах. *тұзаққа түсу*, яп. *wana ni ochiru*). Неверными, предсудительными с точки зрения окружающих могут быть поступки, поведение субъекта, ср. ‘падение в грех’ (фр. *tomber dans le péché*), ‘в искушение’ (норв. *falle i fristelse*), ‘в распутство’ (англ. *fall into depravity*) — в таких контекстах семантика ‘падать’ сближается с идеей моральной деградации, которую мы обсуждали выше в связи с моделью *WAD IS DOWN*. Только в тех конструкциях глагол ‘падать’ или его производные выражали значение нравственного падения без указания на конечную точку (ср. рус. *падший*), здесь же эксплицитно называется цель метафорического перемещения (‘грех’, ‘распутство’ и под.).

Наконец, типологически регулярно в роли контейнера при ‘падать’ выступают внешние обстоятельства, с которыми сталкивается субъект, ср. пандж. ‘падать в беду’ (70), гудж. ‘в трудность’ (71), турецк. ‘в плохое положение’ (50), агул. ‘в некрасивое дело’ (=в грязную историю) (45), казах. ‘в хлопоты’ (*ауреге түсу*), ср. также в адыгейском:

(2) *тикомандэ чьынлэ кьин ифагь...*

t-jə-komande	çəre	qjən	jə-fa-в
1PL.PR-POSS-команда	место	трудный	LOC-падать-РСТ

‘Наша команда попала в тяжелое положение...’ [Адыгэ Макъ 16.08.2012]

Частным источником трудностей, возникающих у субъекта, служит его финансовое положение, ср. англ. *fall into poverty/debt* букв. ‘впасть в бедность / влезть в долги’ (36). Помимо абстрактных существительных для обозначения внешней ситуации могут использоваться имена организаций, в которые субъект попадает не по своей воле и где он вынужден задержаться на некоторое время (больница, тюрьма), ср. турецк. (53), аналогичные употребления возможны также для адыгейского корня *-fe-* в сочетании с различными локативными префиксами.

Прототипически субъектом, попадающим в неприятные обстоятельства, является, конечно, человек, но в этой роли метафорически могут выступать, например, наименования стран / регионов / городов, см. (51) в турецком об Анатолии, ‘падающей в хаос’, или (41) в английском о городке, ‘падающем в руины / разорение’, ср. также в английском (42) об инструментах (насос ‘падает в неупотребление’), нематериальных продуктах человеческой деятельности (расписание оказывается

dédow переходит в другой семантико-синтаксический класс и развивает ту же семантику, что и собственно глаголы падения.

‘в беспорядке’ (45), история — ‘в забвении’ (44), информация — ‘в чужих руках’ (75) и др.), в японском в чужие руки «падает» собственность (имеется в виду нежелательная смена владельца).

Таким образом, семантический сдвиг, основанный на метафоризации конечной точки падения, охватывает довольно широкий класс ситуаций: ‘падать’ в таких употреблениях описывает начало самых разных состояний — от внутренних переживаний до внешних трудностей, затрагивающих как субъекта-человека, так и — переносно — некоторые неодушевленные сущности. Вместе с тем большинство контекстов связывают между собой два параметра: во-первых, имеется в виду неконтролируемая ситуация — это свойство метафора напрямую наследует от физического значения падения. Во-вторых, результирующее состояние нежелательно для субъекта или отрицательно оценивается окружающими — такая семантика обусловлена, по-видимому, как собственно неконтролируемостью (если человек не может влиять на ситуацию, это прототипически оборачивается неблагоприятным развитием событий), так и уже обсуждавшейся концептуальной схемой *WAD IS DOWN* (перемещение вниз задает негативные коннотации конечного состояния).

Тем не менее в отдельных случаях ситуации, описываемые глаголом ‘падать’ в конструкции с метафорическим контейнером, отклоняются от этого прототипа. Прежде всего обращают на себя внимание контексты, в которых результирующее состояние не связано с отрицательной оценкой. Наиболее очевидный пример такого рода — ‘падать в любовь’: это словосочетание хорошо известно из английского (*fall in love*), но встречается, как мы уже упоминали, и в целом ряде других языков нашей выборки. Правда, есть основания считать, что, например, в турецком и японском оно является калькой с английского (см. статьи О. М. Кадыровой и А. С. Паниной в этом выпуске). В частности, показательно, что в обоих языках, в отличие от английского, все прочие примеры реализации рассматриваемой метафоры, собранные нашими экспертами, предполагают отрицательно оцениваемые состояния (нейтральным является только ‘сон’ в японском, но эта конструкция, по всей вероятности, тоже калькирована с английской модели). Напротив, в английском представлен целый ряд контекстов, описывающих начало нейтральной или положительной ситуации, ср. *fall into place* ‘встать на свои места’ (46), *fall into good hands* ‘попасть в хорошие руки’ (76), *fall into line* ‘встроиться’ (47). Впрочем, и здесь эти конструкции скорее исключительны — преобладают все же негативные состояния.

Подобное соотношение положительных и отрицательных контекстов заставляет задуматься о диахронии метафорических употреблений глаголов падения. Очевидно, что исторически первичны употребления 'падать' применительно к нежелательным ситуациям — об этом свидетельствуют и исходная семантика глагола, и наши типологические данные. В принципе можно было бы предположить, что дальнейшее развитие этой метафоры связано с расширением контекстов употребления глагола за счет «стирания» (bleaching) отрицательной оценки результирующего состояния. Такое развитие теоретически может привести к свободной сочетаемости 'падать' с наименованиями разных ситуаций, в которых оказывается субъект, т. е. к грамматикализации глагола падения в показатель инхоатива. Однако, во-первых, насколько нам известно, в типологической литературе не упоминаются случаи превращения глагола падения в грамматический маркер начала ситуации (в частности, этот путь не отмечается в словаре [Heine, Kuteva 2002], а также в других работах, где упоминается глагол 'падать' в качестве источника грамматикализации, ср. [Haspelmath 1990; Вострикова 2003; Майсак 2005]). Во-вторых, английский материал не позволяет усматривать тенденцию к расширению сферы употребления *fall*: зафиксированные примеры скорее напоминают отдельные идиоматизированные конструкции, чем отражение продуктивного языкового процесса. Тем не менее для надежных выводов о семантической эволюции *fall* нужны, конечно же, специальные диахронические исследования.

Еще одним примером глагола падения, допускающего при себе в метафорических контекстах нейтрально окрашенные ситуации, являются адыгейские сочетания корня *-fe-* с локативными префиксами *xe-*, *jə-*, *de-* или *če-*. Наряду с началом пребывания в больнице или тюрьме они могут описывать, в частности, случайное попадание в библиотеку. Существенно, однако, что ситуация продолжает оставаться неконтролируемой. Иными словами, 'падать' здесь, теряя один из семантических компонентов, прототипически характерных для метафор начала состояния, сохраняет другой — идею осуществления ситуации не по воле субъекта.

Примечательно, что отклонение от прототипа может происходить и в обратном направлении, чем в случае английского и адыгейского: сохраняется отрицательная оценка конечного состояния, но при этом переход в это состояние становится контролируемым. Пример такого рода встретился нам в новоиндийских языках. В хинди, панджаби и гуджарати 'падать' в сочетании с обозначением какого-либо дела или

занятия может означать, что субъект намеренно начал его осуществлять, т. е. ‘Х упал в дело’ иногда предполагает, что Х сознательно начал заниматься названным делом (72)–(74). При этом во многих случаях эта деятельность вызывает неодобрение говорящего, т. е. реализуется отрицательная оценка, свойственная метафорам падения. Намеренность действия характерна и для еще одной разновидности рассматриваемого перехода: в качестве цели движения здесь выступают дела другого человека (‘падать в чужие дела’), и итоговая конструкция означает, что субъект вмешивается в чьи-л. дела, тем самым и здесь ситуация оценивается отрицательно, см. (75)–(77).

Итак, результат семантического сдвига, основанного на замене физической конечной точки падения на метафорический контейнер (прежде всего неприятные внутренние — эмоциональные или физиологические — состояния субъекта или внешние трудности), прототипически предполагает неконтролируемое начало нежелательной ситуации. Вместе с тем в отдельных — впрочем, довольно редких в нашем материале — случаях итоговое значение может отклоняться от прототипа по одному из параметров, подразумевая либо неконтролируемую ситуацию с нейтральной или положительной оценкой, либо отрицательное действие, намеренно осуществляемое субъектом.

2.3. Наблюдатель в конечной точке и смежные случаи

Этот класс метафор тоже профилирует конечную точку падения, однако в данном случае лицо — участник ситуации задействовано в ней прежде всего не как субъект, как это было в большинстве контекстов в предыдущем классе, а как наблюдатель, который присутствует в метафорическом месте падения субъекта. В зависимости от типа субъекта и типа кодирования конечной точки мы различаем следующие подклассы этого сдвига: звук (А), свет и тень (В), время (С), неприятные события (D), неконтролируемый выбор (Е), взаимодействие людей (F). Рассмотрим эти подклассы последовательно.

А. Звук

Субъектом метафорического движения вниз может выступать звук, который стал слышимым для человека (т. е. «упал» на экспериенцера или в его уши). Такой переход характерен для новоиндийских языков,

ср. ‘мне послышался (букв. ‘мне упал’) голос’ в хинди-урду и панджаби (58)–(59) или ‘я услышал пение соловья (букв. ‘пение упало в мои уши’)’ в гуджарати (60). Сходный перенос засвидетельствован в агульском (53) — правда, здесь звук не «падает», а «ударяется» в уши (существенно, однако, что корень *-urq 'as* ‘ударяться’ связан с семантикой падения, поскольку — в отсутствие специализированных глаголов падения — покрывает некоторые ситуации нашего поля).

В японском источнике звуковой метафоры служит не центральный глагол поля *ochiru*, а лексема *furu*, обозначающая главным образом выпадение осадков, а также падение некоторых объектов сверху на наблюдателя. В переносном употреблении (35) идея перемещения сверху сохраняется: в отличие от хинди и агульского, японский описывает глаголом падения только такой звук, который раздается из точки выше наблюдателя.

Наряду с собственно акустическим сигналом ‘падать’ может описывать и содержательную сторону звука, т. е. информацию, передаваемую этим звуком. Так, в новоиндийских языках субъектом, падающим на экспериментера или в его уши, могут быть слухи (61), слова (62), новости (62)–(63). В финском фреквентатив от основного глагола падения *pudota* — *putoilla*, который в физическом значении выражает последовательное падение множества субъектов, переносно может применяться к данным, появляющимся небольшими порциями (53), или словам, изредка произносимым молчаливым человеком (54).

Метафорическая связь звукового сигнала или сообщения с движением прозрачна: звук тоже проделывает своего рода маршрут — от начальной точки (субъекта, издающего звук) до конечной (того, кто его воспринимает). Прототипические глаголы падения, как правило, профилируют в этом движении конечный фрагмент — контакт звука с экспериментером, т. е. момент, когда человек начинает слышать звук. Показательно, в частности, что интересующие нас глаголы при звуковых субъектах обычно выступают в форме прошедшего времени с результиративным значением (‘упал’ как ‘стал слышимым’). Этот же момент могут в метафорическом значении выделять и другие глаголы движения, ср. в русском *донестись*, который тоже объединяет акустические сигналы (*до меня донесся звук / голос*) и слухи (*до меня донесся слух, что...*). Вместе с тем в некоторых специальных случаях в фокусе может оказываться начальная точка — момент возникновения звука. Именно эта фаза, по-видимому, значима для финского фреквентативного глагола

putoilla: нерегулярность появления информации заставляет сконцентрироваться на каждом новом поступлении данных.

В. Свет и тень

Метафора света, как и звука, тоже связывает глаголы перемещения вниз с перцептивной сферой, однако в данном случае стимул восприятия соотносится с другим участником ситуации падения. Напомним, что стимул-звук интерпретировался как перемещающийся субъект: его падение на экспериенцера делало его слышимым. Здесь же стимул в основном оказывается конечной точкой: благодаря свету, который на него 'падает', он становится видимым для экспериенцера.

Различаться могут и акциональные свойства двух типов восприятия: падение звука, как правило, предполагает результативную ситуацию: имеет место событие, в результате которого начинается новое состояние. Падение света тоже может представляться как динамическое событие, знаменующее переход в новое состояние (ср. рус. *свет упал на его лицо*), но для зрительного восприятия характерна и чисто стативная интерпретация (рус. *свет падал на его лицо*), тем самым исходно динамичный глагол падения здесь не только метафоризируется, но и стативизуется (ср. в 2.1 обсуждение аналогичной мены акциональных свойств в связи с метафорой LESS / VAD IS DOWN).

Метафора света представлена во многих европейских языках, ср. англ. *the light falls on the leaves* 'свет падает на листья', нем. *das Licht fällt auf ein Bild* 'свет падает на картину', франц. *les rideaux s'ouvrent, la lumière tombe sur la scène* 'занавес открывается, свет падает на сцену', ср. также норв. (47), фин. (90). Нередко встречается и несколько иной вариант зрительной метафоры: субъектом падения может выступать не свет, а взгляд: его падение на стимул тоже делает последний видимым для экспериенцера, ср. рус. *мой взгляд упал на соседа слева*, франц. (18), аналогичные употребления характерны для адыгейского *tjefe-*, см. также гуджарати (55).

Во всех этих примерах стимул интерпретируется как конечная точка падения. Как мы отмечали, в метафорах зрительного восприятия именно такая стратегия распределения ролей является преобладающей. Однако в ряде языков нам все же встретились конструкции со стимулом-субъектом — правда, с несколько специальной семантикой. Имеется в виду, что стимул выделяется на общем фоне и тем самым привлекает к себе внимание экспериенцера. По своей структуре

такие конструкции оказываются полностью симметричными звуковым: конечной точкой такого падения служат глаза экспериенцера (ср. уши как цель при падающем звуке), см. в норвежском (49) о деталях, которые «падают» (то есть бросаются) в глаза. В немецком аналогичную семантику выражает дериват от ядерного глагола падения (*fallen*) с превербом *auf-*, означающим движение вверх: правда, он уже не требует при себе указания на глаза и допускает любой тип восприятия, в т. ч. и не зрительный, ср. *mir ist sein starker Akzent aufgefallen* ‘обратил на себя внимание (букв. ‘мне упал вверх’) его сильный акцент’.

Любопытно, что значение ‘привлекать к себе внимание’ может типологически задействовать и другие метафорические источники, однако по крайней мере некоторые из них повторяют идеи, содержащиеся в глаголах падения в примерах выше. Так, русский *бросаться* (ср. *бросаться в глаза*) является автокаузативным дериватом от *бросать* (см. [Гото, Сай 2009]), который в свою очередь в определенных употреблениях может считаться каузативом для *падать*. Иными словами, *бросаться* в ряде случаев описывает то же перемещение, что и падение, но соответствует агентивной ситуации, так что совпадение результатов метафоризации вполне закономерно. Французский *sauter* ‘прыгать’ (ср. *sauter aux yeux* букв. ‘прыгать в глаза’) объединяет с падением идея внезапности движения, при этом интересно, что — как и в случае немецкого *auffallen* — речь идет о движении вверх. Таким образом, здесь, как и во многих других примерах, источники, связанные с разными полями, могут семантически сходиться в переносных употреблениях, при этом у подобного совпадения всегда обнаруживаются ясные когнитивные основания.

До сих пор мы обсуждали метафорические ситуации, при которых стимул попадает в поле видимости экспериенцера. Однако при помощи ‘падать’ иногда описывается и обратная ситуация: субъектом падения может выступать ‘тень’, и тогда стимул становится менее различимым (более темным) для наблюдателя, ср. рус. *тень от зонтика падала ей на лицо*, см. также (48) в норвежском. Однако часто в контекстах с субъектом ‘тень’ речь идет не столько о плохой видимости, сколько о тени как отражении, по которому судят о появлении самого объекта, ср.:

- (3) *Потом две тени падают от дверей часовни на пол. Я поднимаю голову и вижу двух мрачных арабских парней...* [Василий Аксенов. Негатив положительного героя (1996)]

В подобных употреблениях поверхность, на которую падает тень, нельзя считать собственно стимулом: в центре внимания наблюдателя оказывается не она, а объект, отбрасывающий тень, ср. также примеры (78)–(80) из новоиндийских языков. Напротив, значимой конечная точка падения становится в контекстах, в которых не только глагол ‘падать’, но и существительное ‘тень’ выступает в метафорическом значении, ср.:

- (4) <...> Тень *падает* на первых лиц не только Дальнего Востока, но и столицы. [Андрей Шаров, Борис Ямшанов, Наталья Козлова. Кроссворд для прокурора // «Российская газета», 2003].

Целью движения в таких контекстах становится главным образом человек, но также и различные аспекты его деятельности или жизнь в целом. Семантика конструкций может несколько варьироваться от языка к языку: так, в русском имеется в виду скорее испорченная репутация, в немецком ‘тень’ — обстоятельства, мешающие человеку испытывать положительные эмоции, ср. в аналогичном значении рус. *омрачить* (ср. *ein Schatten fiel auf die allgemeine Freude* букв. ‘тень пала на всеобщую радость’).

Итак, в зоне зрительного восприятия метафорически ‘падать’ может свет, тень (как в прямом, так и в переносном смыслах) и объекты, которые обращают на себя внимание наблюдателя.

С. Время

К метафорическим субъектам, которые могут падать сверху, относятся также времена суток, сезоны и погодные условия. В таком употреблении, например, ‘зима упала’ соответствует значению ‘наступила зима’, ср. аналогичные конструкции с существительными ‘ночь’, ‘темнота’, ‘сумерки’, ‘дождь’ в английском (68), ‘зима/холода’, ‘лето/жара’, ‘ночь’ и ‘темнота’ в новоиндийских языках (46)–(48), ‘ночь’, ‘день’, ‘холода’, ‘весна’, ‘лето’, ‘осень’ в агульском (54), ‘зима’ в казахском (40), ‘ранняя весна’ и ‘осень’ в турецком (56)–(57).

Особый интерес представляют случаи, когда эта метафора проявляет избирательность в своей сочетаемости. Так, во французском через глагол падения описывается наступление ночи или темноты, но не дня. По-видимому, приход ночи оказывается ближе к образному перемещению вниз: темнота как бы постепенно опускается на наблюдателя сверху (показательно, что сходным образом во французском

концептуализуется и туман — он тоже ‘падает’ сверху, см. [Жукова, Кор Шаин, этот выпуск]). Между тем при наступлении дня свет не спускается вниз: светлое время суток мы воспринимаем как нейтральное, дефолтное, так что переход от темноты к свету осмысливается не как наступление света, а как рассеивание темноты. Любопытно, что слово ‘день’ во французском все же сочетается с ‘падать’, но семантика этой конструкции отражает другой тип семантического сдвига, а именно — модель ‘LESS IS DOWN’: речь идет о снижении освещенности, тем самым сочетания ‘ночь падает’ и ‘день падает’ относятся к одному и тому же промежутку суточного цикла.

В примерах выше глагол ‘падать’ выступает с единственным актантом — субъектом. Конечная точка движения не выражается и понимается дейктически как место, в котором находится наблюдатель. Вместе с тем имеются контексты с темпоральной семантикой, в которых метафорическая цель падения получает поверхностное выражение. В таких конструкциях позицию субъекта занимает обозначение праздника, события или периода в жизни человека, а конечной точки — определенная дата, день недели или промежуток на временной оси. Падение в этом случае подразумевает, что праздник или событие случайным образом (то есть, как и положено в исходной ситуации падения как движения вниз, самопроизвольно и неконтролируемо) пришлось на конкретную точку или отрезок времени, ср. рус. ⟨...⟩ *до самой Пасхи, выпавшей тогда на 5 мая* (НКРЯ), нем. *Ihr Geburtstag fällt dieses Jahr auf einen Donnerstag* ‘ее день рождения в этом году придется на четверг’, см. также (55) в норвежском, (55) в агульском и пример ниже из адыгейского:

- (5) *Ик1элэц1ык1угъор Хэгъэгу ззошхом ильэхъанэ тефагъ.*
 jə-čʰeleçəqʷəvʷe-r хевегʷ zewe.šxʷe-m jə-lexane
 POSS-детство-ABS страна война.большой-ОБЛ POSS-период

tje-fa-ɪ

ЛОС-падать-PST

‘Его детство пришлось на Великую Отечественную войну’.
 [Адыгэ Макъ 23.06.2015]

D. Неприятные события

Широко распространены в нашей выборке метафорические контексты, которые описывают падение на человека неприятных событий.

Часто субъектами в подобных конструкциях выступают существительные обобщенной семантики — ‘беда’, ‘несчастье’, ‘неудачи’ и под., см. (57) в гуджарати о несчастье, упавшем на семью; (52) в панджаби об ударах судьбы; (7) в шугнанском о беде; (173)–(174) в тигринья о неудаче и бедствии; (36а) в японском о трудностях, ср. также ниже пример (6) с русским *свалиться*. В то же время иногда субъект может называть и конкретный «вид» несчастья, ср. (54) в панджаби о нищете, а также (7) ниже, где при глаголе *свалиться* перечислен целый ряд трагических обстоятельств:

- (6) *Да, так бывает постоянно: думаешь о пустяках, пока не свалится несчастье.* [М. А. Алданов. Истоки. Части 1–8 (1942–1946)]
- (7) *Затем события пошли с невероятной быстротой. На меня сразу свалились смерть отца, убийство и самоубийство в нашем доме, пожар...* [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом. Пролог (1943–1958)]

С физической ситуацией падения эту метафору сближает идея неожиданности (неконтролируемое падение предмета сверху на человека предполагает внезапную ситуацию, непредвиденными оказываются и метафорически обрушивающиеся несчастья). В отношении маршрута выбор глаголов падения здесь, по-видимому, обусловлен представлением о том, что судьба посылается человеку свыше, ср. в шугнанском (7) эксплицитное выражение начальной точки движения (‘если беда падает с неба’).

Несколько иной вариант этой метафоры реализуют конструкции, в которых в позиции субъекта выступают обозначения дел или обязательств: их падение на человека подразумевает необходимость их выполнения, ср. нем. *auf ihn fällt die meiste Arbeit* ‘на него падает большая часть работы’, рус. *на меня свалилось еще одно дело*, см. также аналогичный пример (56) в агульском. Обязательства на человека накладывают и заботы (см. (50) в хинди-урду о заботах, падающих на мать; (77) в английском о грузе забот о престарелых родителях, падающих на женщин), и ответственность (см. (53) в панджаби об ответственности за управление государством, которая ‘упала’ на президента, а также (52) в норвежском).

Представление о делах, требующих выполнения, может служить основой для перехода глаголов падения в грамматическую зону.

Грамматикализация в показатели долженствования встретила среди наших данных в новоиндийских языках: интересующие нас глаголы используются здесь в деонтической конструкции, предполагающей наименьшую свободу выбора со стороны субъекта (112)–(114). По всей вероятности, семантика отсутствия выбора является следствием отрицательной оценки, характерной в целом для существительных, выступающих в позиции субъекта в рамках рассматриваемой модели. «Падающие» обязательства воспринимаются как нежелательные и неприятные для того, кто должен их выполнять.

Показательными в этом отношении являются примеры (180)–(181) в тигринья. Доминантный глагол падения *wädäkä* может выступать при слове со значением ‘работа’ только в тех случаях, когда имеются в виду неприятные обязательства (сочетаемость *wädäkä* в таком употреблении достаточно разнообразна, ср. (179), где работу метонимически представляют клиенты, которые в большом количестве «падают» на сотрудников кафе). Если же речь идет о желанной работе (181), то употребление *wädäkä* неуместно.

Еще одна разновидность негативных субъектов представлена существительными, обозначающими некоторые ментальные или эмоциональные состояния, направленные на другого человека, ср., в частности, подозрение (см. норв. (53), гуджарати (56)) или ‘гнев’ (во французском с доминантным глаголом *tomber*: *ta colère est tombée plusieurs fois sur moi* ‘твой гнев не раз обрушивался [букв. ‘падал’] на меня’, в русском — с лексемой *обрушиться*, которая в одном из своих физических значений тоже предполагает перемещение сверху, см. Рыжова, Кулешова в этом выпуске).

Итак, мы рассмотрели три основных типа отрицательно оцениваемых субъектов, которые могут «падать» на человека в рамках обсуждаемой метафорической модели: беды и несчастья, обязательства и эмоциональные или ментальные состояния другого человека, — эти типы, безусловно, образуют типологическое ядро данной модели. Вместе с тем в нашем материале засвидетельствованы и отдельные примеры приятных обстоятельств, падающих на наблюдателя сверху. Как правило, речь идет о материальных благах: см. в японском (366) о ‘падающих’ финансовых средствах, улучшающих настроение, ср. также в статье о славянских приставочных дериватах пример (13) из русского о золотом дожде, *обрушившемся* на начинающего дизайнера. Правда, и в этом случае общая оценка ситуации может быть отрицательной, ср.:

- (8) ⟨...⟩ *обладатели неожиданно свалившихся миллиардов тоже не будут счастливы.* [Константин Крылов. Контроль // «Спецназ России», 2003.06.15]

Пожалуй, единственный пример реализации этой метафоры, в котором глагол в равной степени допускает при себе положительные и отрицательные контексты, дает казахская система. Здесь лексема *түсу* может относиться как к неожиданной беде (*басына іс түсті* букв. ‘на голову беда спустилась / упала’), так и к внезапной удаче (*сәті түсті* букв. ‘удача спустилась / упала’), ср. также *басына бақ қонды* ‘на голову счастье спустилось’ с синонимичным *түсу* глаголом *қону*. Примечательно при этом, что обе лексемы охватывают ситуации контролируемого перемещения вниз, т. е. не являются глаголами падения в чистом виде. Можно было бы предположить, что этим объясняется их типологически нестандартное метафорическое поведение — «безразличие» к характеру спускающихся сверху обстоятельств.

Однако глагол контролируемого перемещения служит основой для метафоры неожиданных обстоятельств не только в казахском: тигрinya тоже задействует в этой зоне лексему с семантикой ‘спускаться’ — *wärädä* (наряду с доминантным предикатом падения *wädäkä*). При этом сочетаемость *wärädä* не отличается от типологического стандарта для глаголов падения: при нем тоже в качестве субъектов выступают преимущественно отрицательно оцениваемые события. Соответственно, контролируемость необязательно предполагает нечувствительность к оценочному типу субъекта, так что пути расширения контекстных возможностей данной метафоры еще требуют исследования на более широком типологическом материале.

Помимо субъекта в обсуждаемых конструкциях обычно выражается конечная точка падения. Как видно из приведенных примеров, в этой функции выступают человек или группа людей. Дополнительно может специфицироваться часть тела, на которую попадает метафорический субъект. Любопытно, что выбор этой части тела до некоторой степени связан с типом субъекта: беды и несчастья падают на голову, а обязательства — преимущественно на плечи, см., с одной стороны, употребление слова ‘голова’ в казахских примерах выше, ср. также в баскском локативное имя *gain* ‘верхняя часть’, выступающее при ‘падать’ в метафорических конструкциях про беды и несчастья, см. (28), а с другой — контексты с лексемой ‘плечи’, например, в норвежском (52), где речь

идет об ответственности, ср. также адыгейский, в котором обязательства падают «на шею»:

(9) *Ау джы а лофшлэныр тэ тшиьэ кьифагъ.*

aw žʹə a ʔ^wefʃenə-r te t-pʃe q-jə-fa-**v**
но теперь тот работа-ABS мы 1PL.PR-шея DIR-LOC-падать-PST

‘Но теперь это дело стало нашей обязанностью’. [Адыгэ Макъ 28.07.2011]

В ряде контекстов конечная точка может пониматься дейктически: в таких случаях в качестве субъекта ситуации выступают обозначения массовых бедствий, затрагивающих большое количество людей. В нашей выборке подобные примеры встретились в тигринья, ср. (175) о начале войны, (176) о наступлении голода. Правда, метафорическим источником для этих контекстов выступает не падение, а контролируемое перемещение вниз (т. е., например, значение ‘началась война’ выражается конструкцией ‘война спустилась’). Дейктичность сближает эти контексты с метафорами начала временного периода типа ‘зима упала’ (см. выше).

Е. Неконтролируемый выбор

Употребления глаголов падения, которые мы относим к этому подклассу, объединяет представление о том, что человеку достается что-либо — вещественное или нематериальное — в результате случайного стечения обстоятельств. Так «падают» призы, наследство, жребий, задания; при этом, как правило, имеется в виду, что распределение ресурсов или поручений носило случайный характер, ср. в русском:

(10) *Когда в комнату заглянули мамы, мы как раз резались в фанты. Мне **выпало** прочитать вслух стишок, и мамы чуть слезу не пустили, пока я тарабанил: «Унылая пора, очей очарованье».*
[А. В. Жвалевский, Е. Пастернак. Время всегда хорошее (2009)]

Сходную ситуацию отражает агульский пример (52): речь идет о распределении дат, в которые тому или иному участнику ситуации предстоит пасти овец, и говорящий сообщает, что ему выпало определенное число. Типичным примером случайного распределения ресурсов служит лотерея, см. (27) в баскском о падении главного приза в лотерее, см. также (182)–(183) в тигринья, где сам факт проведения лотереи описывается глаголом ‘падать’ (т. е. ‘лотерея упала’ означает,

что она имела место). Существенно при этом, что события, в которых результат определяется не случайным образом (например, выборы), этой лексемой вводиться не могут.

Ситуация в целом может носить и менее случайный характер, но ее результат всегда непредсказуем для «получателя», см. в норвежском (56) о разделе наследства: здесь на долю описываемого лица «падает» движимое имущество. Объектом распределения в турецком примере (55) является национальный доход: обсуждается его доля, «падающая» на душу населения. Результатом данной метафоры иногда выступают и более абстрактные типы распределения, ср. о выпадающей чести в русском или английском (*мне выпала честь, the honour of ... fell to me*), см. также в финском (91) о центральной роли, «падающей» исследованию.

Как видно из приведенных данных, в основном эта модель сдвига охватывает благоприятные или нейтральные обстоятельства, и этим она отличается от метафоры, которую мы обсуждали под пунктом D. Показательно, в частности, что обе модели могут характеризовать задания, которые получает участник-лицо, но в D они всегда ассоциировались с неприятными обязательствами, тогда как здесь имеются в виду поручения, которые не вызывают у исполнителя негативной реакции (см., например, (54) в турецком о доставшейся говорящему части книги, (92) в финском о функциях душепопечителя, которые получали старшие женщины).

Впрочем, данное оценочное противопоставление не является строгим: и среди примеров в D мы встречали положительные контексты, и здесь возможны метафорические субъекты с отрицательной оценкой, ср.:

- (11) *Нелегальная профессия, вечный страх разоблачения, бесцельная мука со мной, хроническое нездоровье, болезненная толщина, вдруг обнаружившаяся неполноценностью Сашики, на вид такого здорового и сильного, — сколько беды **выпало** одному человеку!*
[Ю. М. Нагибин. Дневник (1967)]

Как кажется, различие между двумя моделями переноса заключается не столько в оценке ситуации, сколько в образной основе, стоящей за каждой из них. Метафора, которая обсуждалась в D, предполагала, что событие падает прямо на человека — именно такую интерпретацию задают синтаксические конструкции, выражающие это значение (ср. в русском предложные группы с *на* при глаголах *свалиться* и *обрушиться*, употребление *sur* ‘на’ при доминантном *tomber*

во французском, *on/upon* ‘на’ при *fall* в английском, а также контексты с существительными ‘голова’ в казахском и панджаби или *gain* ‘верхняя часть’ в баскском).

Между тем, оформление участника-лица в метафорах неконтролируемого выбора оказывается иным: он кодируется скорее как бенефактив (реципиент), ср. датив в русском (*ему выпало*), косвенное дополнение во французском (15), предложная группа с *to* в английском (см. (74): *it fell to me* (...)), дативное согласование в баскском (27). Иными словами, в обсуждаемой метафоре субъект падает не «на кого-то», как в D, а «кому-то» — так что различие оценок вполне предсказуемо. Падение чего-л. прямо на человека заведомо неприятно, а бенефактивная роль ассоциируется с получением выгоды.

Еще одно различие между двумя конструкциями касается самого глагола. Среди источников для семантики неконтролируемого выбора (но не метафоры в D) встречаются глаголы движения из контейнера⁷, ср. в русском *выпасть* (кому-л.), в агульском *aĭ-axhas* с превербом *aĭ-*, указывающим на перемещение наружу. Соответственно, можно предположить, что по крайней мере в некоторых случаях в основе переноса лежит идея бросания игральные костей, которые помещают в стаканчик: выпадая, они ложатся одной из сторон вверх, при этом выпавшее значение определяет результат игры — отсюда ассоциативная связь выпадения кубиков с удачей, получением материальных благ и под.

Итак, для событий падение сверху отражает две различные метафорические модели. Во-первых, ситуация может падать непосредственно на человека, т. е. он служит конечной точкой движения — и тогда речь обычно идет о настигающем его неприятном событии — беде, несчастье или тяжелых обязательствах. Во-вторых, человек может выступать получателем метафорических субъектов, прибывающих сверху, — в этом случае ему случайным образом достается что-либо, причем такие контексты скорее задают положительно оцениваемые или нейтральные ситуации — получение призов, наследства, распределение заданий.

Ф. Взаимодействие людей

В отдельный подкласс мы выделяем ситуации, в которых помимо лица, находящегося в конечной точке падения, имеется еще один одушевленный участник, а именно, сам субъект метафорического падения.

⁷ О глаголах выпадения из контейнера см. также *Раздел 5*.

Соответственно, буквальное значение таких конструкций предполагает, что один человек падает на другого (или на метонимически связанную с ним сущность). В отличие от предыдущих групп, здесь мы пока не можем говорить о единой модели семантического сдвига: в каждом языке, где нам встретилась метафора с подобной внутренней формой, имеется свой вариант метафорической интерпретации взаимодействия, внезапно и неожиданно для самих участников возникающего между людьми.

Так, в новоиндийских языках субъект-человек может ‘падать на шею’ или ‘на голову’ кому-л. (64)–(67): эта метафора подразумевает, что субъект навязывается или докучает другому человеку. В зависимости от варианта конструкции несколько меняется ее семантика: падение ‘на шею’ всегда указывает на злонамеренность субъекта, тогда как в ситуации с ‘головой’ речь иногда идет о неблагоприятном стечении обстоятельств.

В агульском метафора, описывающая падение одного человека на другого (точнее, удар одного о другого — напомним, специализированных глаголов падения в агульском нет), выражает просьбу: субъект спрашивает у второго участника разрешения на некоторое действие, т. е. ‘удариться о X’ означает ‘спросить у X разрешения’ (57).

Еще один вариант семантики взаимодействия между людьми реализуется в баскском (это значение фиксируется в основном во Французской Стране басков). В роли конечной точки здесь преимущественно выступает сказанное другим человеком или его желание, а вся конструкция предполагает, что субъект согласился с тем, что сказал или пожелал другой участник ситуации (30)–(31).

Наконец, падение одного человека на другого может выражать их случайную встречу, ср. франц. *tomber sur quelqu'un* ‘натолкнуться на кого-л.’, ср. также в адыгейском, где, в отличие от французского, речь может идти только о встрече на жизненном пути, не о столкновении на улице:

(12) *Синасыпти, хысапымкӀэ кӀлӀээгъэдджэ лыжъ шлагъо горэм сытефагъ.*

s-jə-nasəp-tjə	hjasapə-m-č'e	č'elejekež'e	ləž
1SG.PR-POSS-счастье-CS	арифметика-OBL-INS	учитель	старик

šak ^w e	g ^w ere-m	sə-tje-fa-в
чудесный	некий-OBL	1SG.ABS-LOC-падать-PST

‘К счастью, я встретил (букв. ‘упал на’) прекрасного старика — учителя математики’. [Чыгу-огу зэнэсым сыда щыӀэр? МӀшбащӀэ Исхъэкъ]

Идея неожиданного обнаружения, которая реализуется в метафорах случайной встречи, иногда может распространяться и на неодушевленные объекты — на них субъект тоже может «падать». Так, во французском сочетании доминантного глагола *tomber* с предлогом *sur* ‘на’ описывает столкновения не только с человеком, как в (10), но и случайное обнаружение предметов или явлений:

- (13) *Au départ, on est tombé sur un ptit resto bien sympa qui était conseillé sur le routard.*

‘Уезжая, мы натолкнулись на симпатичный ресторанчик, рекомендованный в путеводителе «Рутар»’. [frTenTen17]

Случайное обнаружение выражает и русский префиксальный глагол *напасть* (ср. *напал на след*), см. также аналог этой фразы (возможно, калькированный с русского) в агульском (58).

Несколько иной взгляд на ситуацию встречи дает метафора, которую в хинди-урду и панджаби выражает глагол с исходной семантикой ‘капать’ / ‘падать о спелых фруктах’. При этом глаголе не выражается конечная точка, тем самым она интерпретируется дейктически — как место, где находится наблюдатель. В сочетании с субъектом-человеком глагол обозначает его неожиданное появление в поле зрения наблюдателя, т. е. вопрос ‘откуда ты капнул / упал?’ употребляется в смысле ‘откуда ты появился / <тут> взялся?’, см. (97).

Итак, в *Разделе 2* мы рассмотрели метафоры, производные от центрального фрейма поля падения — неконтролируемого перемещения с более высокой поверхности вниз. Эта семантика оказывается наиболее продуктивным источником переносных значений в зоне падения. Мы выделили здесь три основных класса сдвигов: LESS / BAD IS DOWN (‘температура падает’), начало нового состояния (‘впасть в отчаяние’) и наблюдатель в конечной точке, а также смежные случаи. Последний класс объединяет целый ряд частных типов сдвига, общим для которых является присутствие одушевленного участника в конечной точке метафорического движения: речь может идти о звуке, достигающем ушей экспериментера; о свете или тени, попадающих на объект; о наступлении временных периодов; о неприятных событиях, случающихся с человеком; о материальных благах или абстрактных сущностях, достающихся человеку случайным образом, и о разных ситуациях взаимодействия между людьми.

В большинстве случаев перечисленные значения выражаются доминантными глаголами соответствующих языков — эта тенденция

обусловлена тем, что в нашей выборке доминантные системы численно преобладают над остальными стратегиями лексикализации падения. Тем не менее мы возводим эти значения не к семантике падения в целом, а к фрейму перемещения с более высокой поверхностью. Во-первых, в ряде случаев метафорическая конструкция показывает, что субъект движется сверху (ср., например, контексты вида ‘X падает на голову Y-а’). Во-вторых, если в дистрибутивных системах реализуется то или иное значение из обсуждавшихся в этом разделе, его выражают именно глаголы перемещения сверху (ср., в частности, в адыгейском различные глаголы с корнем *fe-*, специализирующимся на ситуациях падения с другой поверхностью). В-третьих, если некоторый язык использует для этих метафор лексемы с узкой семантикой (ср. японский *furu* или китайский *jiàng*), то исходное значение глагола тоже относится к зоне перемещения сверху (как падение осадков в японском и китайском). В последующих разделах мы рассмотрим переносные значения, образованные от остальных фреймов изучаемого поля.

3. Потеря вертикальной ориентации

В ситуации потери вертикальной ориентации выделяется два аспекта, которые могут служить основой семантических сдвигов. Во-первых, в результате такого падения нарушается функциональность субъекта. Во-вторых, изменяются его топологические характеристики, т. е. в определенном смысле форма. Обсудим последовательно, к каким результатам приводят сдвиги, основанные на каждом из этих факторов.

3.1. Утрата функциональности

Метафоры, производные от семантики вертикального падения, касаются прежде всего функциональности человека. Неконтролируемый переход из вертикального положения в горизонтальное влечет за собой невозможность продолжать ту деятельность, которой человек занимался до падения. Вполне закономерно тем самым, что через падение выражаются физиологические состояния, ассоциирующиеся с лежачим положением и недееспособностью. Речь идет главным образом о двух состояниях — смерти и болезни.

Во-первых, во многих языках нашей выборки (вероятно, за счет калькирования) глаголы падения могут обозначать геройскую смерть в бою, когда переходу в новое состояние действительно предшествует внезапное и неконтролируемое физическое падение, ср. рус. *пасть*, англ. *fall*, нем. *fallen*, кит. 倒 *dǎo*, см. также (190) в тигринья, (27) в японском. Гораздо реже встречается употребление, подразумевающее смерть при других обстоятельствах, см. (35) в корейском о смерти от рака, эвфемистическое использование лексемы *kellahtaa* в финском об умершем человеке (101) и применение глагола *kaatua* к животным, подстреленным во время охоты, — (100), ср. также субстантивированную конструкцию, описывающую массовую гибель некоторых домашних животных в русском, — *падеж скота*.

Во-вторых, посредством глаголов падения может выражаться внезапное начало болезни, ср. англ. *to fall sick* букв. ‘упасть больным’ и его французский аналог *tomber malade*, а также сходные выражения в турецком и новоиндийских языках, ср. также словосочетания с существительными, обозначающими конкретный вид болезни: рус. *свалиться от гриппа*, яп. ‘опрокинуться от чахотки’ (26). Физиологические состояния, описываемые через падение, включают также усталость, ср. рус. *падать от усталости*, а также турецкий пример (47).

За пределами физиологии потеря функциональности обычно связана с ситуацией противоборства: падением называется поражение одной из сторон в игре — по-видимому, эта метафора восходит к идее физической борьбы, где проигравший соперник оказывается поваленным на землю. Наиболее подробно эта модель разработана в финском: здесь значение ‘проиграть’ засвидетельствовано сразу у трех глаголов, указывающих на переход из вертикального положения в горизонтальное, — у основной лексемы вертикального падения *kaatua*, а также у двух периферийных глаголов этой зоны — *kellistyä* и *kompastua*, см. (95)–(98). Примечательно, что семантика проигрыша в данном случае настолько развита, что влечет за собой изменения на синтаксическом уровне: при этих глаголах могут реализовываться валентности, характерные для результирующей зоны, — например, валентность игры, в которой имел место проигрыш (букв. ‘упал в матче’, см. (96)), или итогового счета этой игры (ср. в (95) букв. ‘Швеция упала со счетом 4:1’).

Итак, мы обсудили три частных значения в зоне утраты функциональности человеком — смерть, болезнь и проигрыш. Возводить их к фрейму потери вертикальной ориентации нам позволяет материал языков, в которых этот фрейм лексически противопоставлен остальным

типам падения. В частности, специальные глаголы для перехода субъекта из вертикального положения в горизонтальное имеются в финском (прежде всего *kaatua*, но также *kellahtaa*, *kellistyä*, *kompastua*), японском (*taoreru*), китайском (*dǎo*) — именно эти лексемы и развивают обсуждавшиеся здесь производные значения.

Вместе с тем в нашей выборке имеется пример дистрибутивной системы, в которой метафора гибели в бою — вопреки нашим ожиданиям — характерна не для глагола опрокидывания, а для глагола, специализирующегося на падении сверху. Такое распределение имеет место в адыгейском, ср. (14) ниже, где задействована не лексема *wəḱʷerejə-*, выражающая потерю вертикальной ориентации, а корень *fe-*, задающий падение сверху:

- (14) *1944-рэ илʷэсым зэо пхъашэм хэлажъэзэ, адыгэ клалэр фэхыгъ.*
 1944-re jəlesə-m zewe rχəʃe-m xe-laʒʷe-ze
 1944-ADJ год-OVL война суровый-OVL LOC-трудиться-CNV
 adəge ʧʷale-r **fe-xə-в**
 адыг парень-AVS падать-DOWN-PST

‘В 1944-м году, участвуя в суровой войне, погиб этот адыгейский парень’. [Адыгэ Макъ 11.05.2010.05]

Эта «непоследовательность» имеет вполне прозрачное объяснение. Дело в том, что в адыгейском глагол потери вертикальной ориентации охватывает преимущественно неодушевленные субъекты (столбы, автобусы и др.). В свою очередь, люди, остающиеся после падения на той же поверхности, описываются лексемами с корнем *fe-*. Заметим, что исключение людей из множества субъектов, характеризующихся глаголами потери вертикальной ориентации, не является уникальной чертой адыгейского: аналогичную картину можно наблюдать в шугнанском, где к людям не применяется лексема *gāxtow*, специализирующаяся на падении вертикальных субъектов (см. Рахилина, Некушоева, этот выпуск). Неудивительно тем самым, что потеря функциональности в адыгейском задействует глагол падения сверху: на самом деле эта метафора здесь, как и в остальных языках, производна от лексемы, описывающей потерю вертикальной ориентации человеком.

3.2. Изменение топологических характеристик субъекта

Второй тип переносных значений, восходящих к семантике опрокидывания, встречается в нашей выборке значительно реже, тем не менее

он примечателен с точки зрения моделей семантической деривации, охватывающих более широкие пласты лексики, чем собственно падение. Речь идет о семантике превращения.

Так, значение ‘превращаться во что-л.’ развивает в коми глагол *põrny*, исходно описывающий падение из вертикального положения, ср. контексты типа ‘Вода превратилась в лед’, ‘Мальчик превратился во взрослого человека’ [Кашкин 2017]. Аналогичная модель сдвига реализуется в шугнанском: лексема *gāxtow* передает идею наблюдаемых естественных изменений — в частности, цвета лица, внешнего вида человека при старении, а также более абстрактных сущностей — мнения, настроения, отношения (31)–(41). Отметим, правда, что *gāxtow* в своем исходном значении не только выражает потерю вертикальной ориентации, но и описывает ситуацию поворота. Между тем для глаголов кругового движения тоже характерна метафора превращения, ср. англ. *turn into*, рус. *обернуться* и собственно существительное *пре-вращение*, см. подробнее [Круглякова 2010]. Таким образом, в случае шугнанского *gāxtow* невозможно определить, восходит ли метафора превращения к семантике опрокидывания или поворота.

По большому счету, однако, это не столь существенно: ведь если два значения типологически регулярно развивают общую метафору, то естественно предположить, что на более абстрактном уровне они содержат некоторый общий семантический параметр, который и следует считать источником метафорического переноса. Действительно, подобные примеры встречаются в самых разных семантических зонах. Простой иллюстрацией общности источников может служить поле боли, см. [Рахилина и др. 2010a]. Неприятные ощущения в разных языках описываются через глаголы различной исходной семантики, в том числе ‘резать’, ‘колоть’, ‘стрелять’, ‘сверлить’, ‘жалить’, ‘царапать’ и др. Понятно, однако, что все эти глаголы объединяет идея воздействия, способного причинить боль, — эта идея и становится основой для их общего переносного значения.

Еще один пример единой семантики, развивающейся из разных источников, дает идея неустойчивости. Во вводном разделе к этой статье мы уже упоминали, что она может быть производной от значения ‘находиться на поверхности воды’ (ср. англ. *float*). В то же время ее источником иногда выступает семантика колебательного движения (ср. *колебаться* в русском), а иногда — вращения (ср. *rondar* в испанском, см. [Круглякова 2010]). Общим для трех исходных ситуаций является представление об итеративном движении, при котором субъект

снова и снова возвращается к одной и той же точке пространства, так что и здесь сходство метафоры имеет под собой ясное основание.

Общие черты нетрудно обнаружить и в случае интересующих нас здесь ситуаций падения вертикального субъекта и поворота, который меняет фасад субъекта. Оба типа движения предполагают изменение ориентации: в результате субъект предстает перед наблюдателем в новом ракурсе — это и позволяет интерпретировать процесс как превращение. Другие семантические источники для зоны превращения свидетельствуют о том, что переход в нее мотивирован даже более абстрактной идеей — существенным изменением внешних наблюдаемых характеристик субъекта, т. е. речь может идти не только о его ориентации, как в случае падения и поворота, но и о форме, ср. латинский глагол превращения *trans-formo*, а также русский *стать*, совмещающий семантику преобразования с идеей перехода в стоячее положение⁸.

Итак, типологическое сопоставление значений лексем, относящихся к разным полям, но совпадающих в результатах метафорических сдвигов, позволяет в каждом случае определить тот семантический аспект, который обуславливает сдвиг, и тем самым уточнить существующие теоретические представления о механизмах семантических переходов.

4. Падение-разрушение

Метафоры, производные от фрейма падения с разрушением, образуют довольно компактный класс случаев, которые — по аналогии со значениями, рассмотренными в 3.1, — тоже можно было бы объединить под общим ярлыком «утрата функциональности». Только если в 3.1 речь шла о людях, то здесь субъектом ситуации выступают артефакты и абстрактные сущности. Обычно имеются в виду сложно устроенные конструкторы, создание которых требует значительного времени, — например, планы, бизнес, банковская система, политический режим, мир или счастье какого-либо человека. В сочетании с глаголами падения-разрушения эти объекты уподобляются архитектурным постройкам: ‘падение’ означает внезапное, резкое прекращение их существования.

⁸ Мы благодарим Д. В. Сичинаву за привлечение нашего внимания к этому примеру.

Такие употребления широко представлены в нашей выборке, ср. рус. *рухнуть*, англ. *fall to pieces, fall apart*, см. (64) о рухнувшей жизни, (67) о несостоятельном доказательстве; армянск. *k'andvel* (исходно 'разрушаться'; метафорически, например, о бизнесе); кит. *dǎo* 'падать о вертикальном объекте / разрушаться' (переносно, в частности, об обанкротившейся фирме); финск. *romahtaa* 'рухнуть, рушиться', см. (126) о крушении старого мира; хинди-урду *dhahnā* 'рухнуть, обрушиться' и его когнаты в панджаби и гуджарати — об империи, планах, пропавшем (букв. 'рухнувшем') воодушевлении (93)–(95); тамильск. *viṣu* 'падать (доминантный)' — о коммунизме (15); тигринья *wädäkä* 'падать (доминантный)' об итальянском правлении в Эритрее (170) и Советском Союзе (171). В адыгейском эта метафора использует глагол *ze-xe-teq^{ne}*- с корнем 'крошиться', который в физическом значении применяется к разрушению, подразумевающему распадению субъекта на мелкие частицы, а в переносных употреблениях встречается, например, в контексте нарушенных планов.

В качестве отдельного подкласса в рамках данной метафорической модели можно рассматривать ситуации, субъектами которых являются города, крепости и под. Их падение, как правило, подразумевает не столько прекращение существования, сколько капитуляцию под натиском противника (ср. в этой связи близкую семантику проигрыша, которую мы обсуждали в 3.1), ср. нем. *die Festung fiel erst im Jahre 73 nach langer Belagerung* 'крепость пала только в 73 г. после долгой осады', см. также в норвежском о падении Трои (43), в японском (17) о падении крепости Касуми. Японский глагол *ochiru*, который используется в этом значении (а исходно охватывает фреймы падения сверху, разрушения и открепления), может выражать и «капитуляцию» одного человека, т. е. вынужденную уступку после сопротивления, в частности, согласие давать показания на допросе (18). По-видимому, употребления такого рода, как и большинство прочих метафорических контекстов этого раздела, основаны на идее разрушения, по крайней мере в других языках семантика 'сдаться (на допросе)' может также задействовать идею деления на части и потери функциональности, ср. рус. *сломаться*, англ. *break down (under questioning)*⁹.

⁹ Обратим внимание, что семантика деления на части характерна и для другого русского глагола, означающего уступку на допросе, — *расколоться*, однако в этом случае существенной оказывается еще и идея выдачи скрываемой информации (метафорической основой здесь служит, по-видимому, образ ореха, который,

Однако среди фреймов падения не только разрушение может выступать источником обсуждаемых здесь переносов. В нашем материале встречаются примеры подобных сдвигов еще и у специализированных глаголов потери вертикальной ориентации. Так, примечательно, что в японском в этой метафорической зоне наблюдается конкуренция между двумя лексемами: капитуляция, как мы видели, описывается глаголом *ochiru*, тогда как крах политической системы — лексемой *taoreru*, исходно относящейся к опрокидыванию вертикальных субъектов, см. (28) о падении режима Хусейна. Спектр метафорических ситуаций, покрываемых финскими лексемами опрокидывания, оказывается еще шире: речь может идти не только о политическом строе (см. (86) о коммунизме), но и о распаде страны (84), обвале системы трансляции (85), неудаче при апелляции (87).

Хотя в целом, судя по нашим данным, разрушение все же чаще приводит к подобным значениям, тем не менее их выражение через опрокидывание тоже имеет под собой ясное основание. Действительно, для вертикально ориентированных объектов горизонтальное положение обычно оказывается нефункциональным — эту закономерность мы уже отмечали в 3.1 в отношении человека, но она охватывает и неодушевленные сущности — так что использование здесь глаголов потери вертикальной ориентации в качестве источников неудивительно. Связь опрокидывания и прекращения функционирования прослеживается и на материале каузативных ситуаций, ср. рус. *завалить* в сочетаниях *завалить дело, завалить операционную систему*.

Итак, глаголы падения-разрушения типологически последовательно обозначают резкое прерывание нормального функционирования — систем, дел, планов, режимов. Дополнительным источником данной метафоры могут выступать глаголы потери вертикальной ориентации¹⁰. При этом, как мы видели, круг метафорических субъектов, встречающихся в разных языках в рамках этой модели, в значительной степени совпадает. Вместе с тем в одном случае общее единообразие нарушается: в шугнанском языке глагол *wəxtow* (исходно выражающий падение сверху, открепление, но также в определенных контекстах

раскалываясь, дает доступ к содержимому), ср. также аналогичные прямые и переносные употребления английского *crack*.

¹⁰ По-видимому, еще одним возможным источником рассматриваемой метафоры следует признать ситуацию провалившихся слоев — мостов, пола или льда, ср., например, русск. *проект провалился*.

и разрушение) может описывать утрату функциональности не только у абстрактных сущностей, но и у конкретных артефактов, см. (11) об изношенном («упавшем») платье, (12) о порвавшихся («упавших») сапогах. Правда, такие употребления в современном языке непродуктивны и, по-видимому, отражают более раннее состояние лексической системы, тем не менее они расширяют пространство метафорических возможностей глаголов падения-разрушения и, соответственно, отражают значения, требующие проверки при анализе новых языковых данных.

5. Открепление и выпадение из контейнера

Семантика и открепления, и выпадения из контейнера предполагает, что субъект сначала находился в некотором месте, а затем перестал в нем находиться — эта идея и становится ключевой для метафорических переносов из этих зон¹¹. Результирующие значения могут профилировать или место, где исходно находился субъект (тогда наблюдатель констатирует отсутствие или нехватку чего-л. в определенном метафорическом пространстве), или сам открепляющийся / выпадающий субъект (тогда описывается тот факт, что субъект оказался вне чего-л.). Субъект попадает в фокус ситуации в том случае, если в этой позиции выступает человек. Напротив, о «месте» речь идет, когда субъекту падения соответствует неодушевленная сущность.

Рассмотрим сначала ситуации с неодушевленными субъектами. Наиболее частотную модель здесь образуют семантические сдвиги, при которых в роли метафорической начальной точки выступает определенная последовательность: глагол падения указывает на отсутствие в ней некоторого элемента. В частности, речь может идти о слове с пропущенной буквой (она ‘выпала’ из слова), см. (46) в агульском, ср. также китайский двуслог 脱落 *tuōluò* ‘отпадать’, который метафорически обозначает пропуск иероглифа при печати или слова в речи. Аналогичную семантику ‘падать’ имеет и в терминологических (и тем самым, вероятно, в большинстве случаев калькированных) употреблениях, подразумевающих диахронические процессы в фонетике, ср. рус. *падение*

¹¹ Вместе с тем для выпадения более значимым иногда оказывается результат, см. 2.3, а также конец *Раздела 5*.

редуцированных, турецк. *ünlۈ düşmesi* ‘выпадение гласных в корне’, а также соответствующее значение глагола *erori* в баскском.

Другими примерами последовательности могут служить списки, см. (10) в японском о «падении» имени из списка, или повестка дня, см. (45) в турецком, где из повестки «падает» определенный вопрос. Наконец, метафора может охватывать расписания, в которых отменяется та или иная составляющая, ср. в немецком *ausfallen* ‘выпадать’ — об отмене поездов или занятий, в словенском *odpasti* ‘отваливаться, опадать’ — о лекции: *Danes predavanje odpade* ‘Сегодня лекция отменяется’.

Наряду с различными последовательностями в роли метафорического контейнера может выступать голова: выпадение из нее информации интерпретируется как забывание, ср. использование в таком значении адыгейского глагола *jəzə-*, см. также (48) в агульском (любопытно, что в агульском с хранением информации ассоциируется не только голова, но и сердце, т. е. конструкции ‘выпало из сердца’ (49) тоже соответствует значение ‘забыл’). Отметим, что в русском это значение также использует идею движения из контейнера, хотя сам тип движения оказывается иным, ср. *вылетело / выскочило из головы*.

Функцию метафорического субъекта может выполнять вещество, которое «отпадает» от поверхности — контексты такого рода характерны для японского, см. (7а-б), (8). Обратим внимание, что в данном случае, в отличие от примеров, рассмотренных выше, падение в основном является результатом целенаправленного действия — грязь / кровь «падает», потому что ее пытаются удалить. Более того, при глаголе *ochiri* в таких употреблении (напомним, исходно он охватывает падение сверху, открепление и разрушение) допустимо выражение роли инструмента или средства, см. (8), букв. ‘кровь падает мокрым полотенцем’. Вместо конкретного вещества в подобных конструкциях допустимы и более абстрактные сущности — цвет и запах, ср. (9), букв. ‘цвет не падает’ (= ‘не линяет’). Контексты, апеллирующие к отпадению цвета, встречаются и в адыгейском (глагол *pəzə-*): здесь речь может идти только о цвете лица человека — имеется в виду, что человек побледнел, ср.:

(15) *Тлуми ашъо пызыгъ <...>*

ʃ^wə-m-jə a-š^we **рə-зə-к**

два-OBL-ADD 3PL.PR-цвет LOC-падать-PST

‘Они оба побледнели (цвет упал)’. [Адыгэ Макъ 24.04.2013]

Отделению в метафорических контекстах может соответствовать и ненаблюдаемое изменение, ср. ситуации, в которых в роли субъекта выступают эмоции, психологические состояния или моральные свойства человека. Например, в немецком ‘спадать’ с человека (*abfallen*) могут заботы, печали, напряжение. По-адыгейски человеку можно пожелать, чтобы ‘все тревоги с него упали’, здесь используется глагол *pəzə-*. В панджаби лексема *latthṇā* с семантикой отделения частей от целого допустима в контексте потери стыда или чести, см. (99), т. е. буквально эти качества ‘отваливаются’ от человека. В русском *отпадает* необходимость — здесь уже исходное местоположение траектора остается неопределенным и не получает выражения.

Перейдем теперь к метафорическим ситуациям с одушевленным субъектом. Такие употребления обычно предполагают, что человек, находившийся в некотором коллективе или участвовавший в какой-то деятельности, оказывается вне исходной группы или занятия. В этом значении используются, например, финские доминантные глаголы *tippua* и *pudota* — см., например, о выпадении из суеты жизни (49), из компании при переходе на немецкий язык (51), из парламента в ходе выборов (47)–(48), ср. также в английском *fall out of the conversation* ‘выпасть из разговора’ в (49).

Группа, вне которой остается субъект, может находиться в движении — в этом случае глагол падения выражает идею отставания от группы, причем здесь допустима как физическая — пространственная — интерпретация, так и переносное осмысление (см., например, (47) в агульском об учебном отставании от класса), ср. также форму *qarəzəv* ‘отвалился’ в адыгейском, которая применима к отставанию от группы и в горах и в учебе.

Метафорическим пространством, от которого движется траектор, могут служить также социальный статус, место работы или материальные ресурсы, см. панджаби (98) с глаголом *latthṇā* ‘отделяться’ об оставлении поста, казах. *тақтан құлау* ‘лишиться престола’ (букв. ‘падать с престола’), орнынан түсу ‘лишиться места’ (букв. ‘спускаться/падать с места’), финск. (50) о лишении суточных (букв. ‘родитель падает от суточных’). Очевидно, что семантика движения вниз определяет, что такое «отделение» приводит к ухудшению уровня жизни, в этом смысле обсуждаемый переход сближается с метафорой *WAD IS DOWN* (см. 2.1).

Наконец, в роли субъекта для рассматриваемой модели допустим не только отдельный человек, но и группа людей: речь обычно идет

о спортивных командах, которые «выпадают» из соревнований определенного уровня, см. (46) в турецком или (52) в финском.

Итак, мы обсудили два класса метафорических контекстов, производных от фрейма отделения — с неодушевленными и одушевленными субъектами. Помимо собственно отделения мы неоднократно обращались к семантике выпадения из контейнера. Подчеркнем, однако, что метафорика выпадения не ограничивается значениями, очерченными в этом разделе. В производных значениях семантика ‘выпадать’ не только пересекается с откреплением, но и оказывается задействована в моделях, которые в других языках «зарезервированы» за движением сверху (см. в 2.3 о глаголах выпадения как источнике метафор неконтролируемого выбора). Такая двойственность хорошо согласуется со стратегиями лексикализации, характерными для физической ситуации выпадения. Напомним, некоторые языки нашей выборки (например, адыгейский) трактуют нахождение в контейнере как частный случай фиксации субъекта в исходной точке, т. е. связывают движение из контейнера с отделением, а некоторые — совмещают выпадение с неконтролируемым перемещением сверху (подробнее см. нашу статью «Глаголы падения в языках мира: фреймы, параметры и типы систем» в этом выпуске). Таким образом, фреймовая структура поля падения позволяет предсказать метафорическое поведение глаголов перемещения из контейнера, и этот факт еще раз доказывает правомерность трактовки фреймов как источников семантических сдвигов.

6. Заключение

В этой статье мы рассмотрели производные значения, которые развивают глаголы неконтролируемого перемещения вниз. В типологической перспективе спектр переносных употреблений этих лексем необычайно широк и разнороден, однако далеко не случаен. Если учитывать особенности исходной семантики анализируемых единиц, то метафорическое разнообразие поля укладывается в ограниченный набор деривационных моделей. Источником для этих моделей мы считаем фреймы — прототипические ситуации, которые регулярно в языках используют специальные средства лексического кодирования.

Для поля падения мы выделяем 4 фрейма: падение с высоты, потерю вертикальной ориентации, разрушение и открепление (см. нашу

статью «Глаголы падения в языках мира: фреймы, параметры и типы систем» в этом выпуске). Каждая из этих ситуаций профилирует свой аспект в общей семантике неконтролируемого перемещения вниз — именно этот аспект и получает метафорическую интерпретацию при семантическом сдвиге, так что набор метафор оказывается в значительной степени специфичным для каждого фрейма. В *Таблице 1* мы кратко суммируем модели, обсуждавшиеся в основной части статьи.

Таблица 1. Глаголы падения: модели семантических сдвигов
Table 1. Verbs of falling: patterns of semantic shifts

Исходный фрейм	Производное значение		Примеры метафорической конструкции (букв. значение)
Падение сверху	LESS/BAD IS DOWN		‘температура / желание падает’, ‘кто-л. низко пал’
	начало состояния		‘кто-л. падает в отчаяние / болезнь / обман / грех / беду’
	наблюдатель в конечной точке и смежные случаи	звук	‘звук / новость падает в уши’
		свет и тень	‘свет / взгляд / тень падает на что-л.’, ‘что-л. падает в глаза’
		время	‘зима упала’, ‘праздник упал на выходной’
		неприятные события	‘беда / работа/гнев упал на кого-л.’
		неконтролируемый выбор	‘кому-л. упал выигрыш / удача’
взаимодействие людей		‘кто-л. упал на кого-то’ (=встретил)	
Потеря вертикальной ориентации	потеря функциональности (о человеке)		‘кто-л. пал в бою / упал от болезни’
	проигрыш		‘команда опрокинулась в матче’
	потеря функциональности (о неодушевленном субъекте)		‘система трансляции / коммунизм опрокинулся’
	превращение		‘вода опрокинулась в лед’
Падение-разрушение	потеря функциональности (о неодушевленном субъекте)		‘мир / система / планы рухнули’
	капитуляция		‘крепость пала’

Исходный фрейм	Производное значение	Примеры метафорической конструкции (букв. значение)
Открепление (выпадение из контейнера)	пропуск элемента последовательности	‘буква выпала из / отпала от слова’, ‘имя выпало из / отпало от списка’, ‘лекция выпала / отпала’
	забывание	‘что-л. выпало из головы’
	удаление вещества	‘кровь падает мокрым полотенцем’
	освобождение от переживаний	‘тревоги / печаль отпадает’
	утрата моральных качеств	‘стыд / честь отпадает’
	выпадение из группы	‘кто-л. выпал из разговора’
	отставание	‘кто-л. выпал из / отпал от группы’ (=отстал от группы)
утрата социальных благ	‘кто-л. отпадает от должности / суточных’	

Хотя многие из моделей, представленных в таблице, реализуются доминантными глаголами, мы связываем результирующие значения в каждом случае не с полем в целом, а с конкретным фреймом. Выявить ситуацию-источник позволяют лексемы узкой семантики, специализирующиеся на выражении того или иного фрейма или его фрагмента. Получается, что все специальные источники, имеющие общие переносные значения, покрывают один и тот же фрейм — эта регулярность моделей и позволяет нам считать именно фреймы исходной точкой семантических сдвигов.

Единственным значением, нарушающим однозначное соответствие метафор фреймам, является потеря функциональности для абстрактных сущностей: эта семантика может развиваться и из фрейма разрушения, и из идеи потери вертикальной ориентации. Дело здесь в том, что в основе переноса обычно лежит не ситуация в целом, а некоторая заложенная в ней абстрактная идея. Так, мы отмечали, что для метафоры начала состояния ключевым является тот факт, что в результате падения траектор начинает находиться в новом месте — осмысление состояния как места и обуславливает развитие этой метафоры. Одна и та же физическая ситуация нередко позволяет выявить сразу несколько аспектов, которые могут служить основой для метафоризации, — в таком случае один фрейм задает одновременно несколько направлений сдвига.

В частности, для падения сверху значимым оказывается не только представление о новом месте, но и собственно семантика движения вниз: она стоит за метафорической моделью LESS / BAD IS DOWN.

В случае опрокидывания мы тоже наблюдали несколько абстрактных составляющих исходной ситуации: лежащий вертикальный объект, с одной стороны, меняет свои топологические характеристики, с другой — оказывается нефункциональным. Одну из этих составляющих — утрату функциональности — подразумевает и ситуация разрушения, представляющая уже другой фрейм в поле падения. Таким образом, на уровне абстрактной интерпретации две исходно разные ситуации совпадают — это и приводит к появлению общего метафорического значения.

Однако подобное совпадение внутри одного поля случается, судя по нашим данным, скорее редко. Зато часто имеет место совпадение «сквозь границы полей», т. е. сходными оказываются идеи, лежащие в основе метафоризации фреймов из разных семантических зон, и тем самым довольно далекие друг от друга лексемы обнаруживают общность производных значений. Этот эффект мы обсуждали для нескольких метафор в нашем материале, в частности, для семантики превращения: в зоне падения ее могут развивать глаголы опрокидывания, а за ее пределами — вращения, изменения формы и перехода человека в вертикальное положение; ср. также идею разрушения, с одной стороны, и поломки — с другой, как источники для значения ‘сдаться на допросе’, или конструкции с семантикой ‘падать / бросаться / прыгать в глаза’, развивающие значение ‘обращать на себя внимание’.

Сопоставление разных источников для одного переносного значения наглядно показывает, каким аспектом исходной семантики лексемы в каждом случае мотивирован сдвиг: в основе переноса обычно лежит то общее, что объединяет источники из разных полей. Систематическое выявление случаев такого рода кажется нам одной из актуальных задач теории семантических сдвигов: это позволило бы уточнить существующие представления о механизмах переходов в лексике и проследить связи разного уровня между отдельными доменами.

Другой круг перспективных задач для будущих исследований связан с диахронической проблематикой. В нашем материале встретилось несколько языков, в которых более архаичный глагол падения сменился более новым, ср. рус. *пасть*, уступивший место лексеме *падать*, в хинди-урду *girnā*, а в панджаби *ḍignā* вытеснил из большинства физических контекстов глагол, восходящий к древнеиндийскому корню RAT

(соответственно, *paŋā* и *raiṇā*), в китайском на смену ранее доминантному 落 *luò* во многих типах употребления пришел 掉 *diào*. При этом метафорические значения в каждом случае распределены между старой и новой лексемой, ср. рус. *пал* (*упал) *в бою*, но *температура упала* (*пала). В этой связи возникает вопрос, имеется ли какая-то типологически релевантная иерархия метафор, т. е. последовательность, в которой переносные значения «переходят» от архаичного глагола к новому. Конечно, для ответа на этот вопрос еще предстоит привлечь обширный типологический и диахронический материал. Вместе с тем отдельные тенденции можно наметить уже сейчас. Так, неслучайным кажется тот факт, что модель LESS IS DOWN и в русском, и в хинди реализуется более новой лексемой. По-видимому, синхронный глагол падения должен «перетягивать на себя» в первую очередь продуктивные метафоры, где связь между исходным и производным значениями прослеживается наиболее явно. Исследование семантических переходов в этом ракурсе позволит рассматривать метафоры не как единый тип сдвигов, а как множество явлений, требующих более детальной классификации в отношении прозрачности связей между исходным и результирующим значением.

В целом диахрония семантических переходов — далеко не новое направление типологического анализа, однако до сих пор оно привлекало к себе внимание главным образом в рамках работ по теории грамматикализации. Иными словами, в поле зрения исследователей в основном попадали сдвиги, приводящие в конечном итоге к грамматическим значениям. Материал поля падения показывает, что задачи такого рода ждут своего решения и в собственно лексической зоне.

Литература

- Багирова, Рыжова (в печ.) — И. Г. Багирова, Д. А. Рыжова. Метафоры глаголов падения в адыгейском языке // Известия РАН. Серия литературы и языка (в печ.).
- Брицын и др. 2009 — В. М. Брицын, Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова, Г. М. Яворская (ред.). Концепт БОЛЬ в типологическом освещении. Киев: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2009.
- Вострикова 2003 — Н. М. Вострикова. Грамматикализация глаголов каузации движения и изменения положения в пространстве // А. С. Нариньяни (ред.). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог-2003» (Протвино, 11–16 июня, 2003 г.). М.: Изд-во Российского гос. гуман. ун-та, 2003.

- Гото, Сай 2009 — К. В. Гото, С. С. Сай. Частотные характеристики классов русских рефлексивных глаголов // В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, С. Г. Татевосов, К. Л. Киселева (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел-2000, 2009. С. 184–223.
- Кашкин 2017 — Е. В. Кашкин. Коми язык и лексическая типология: глаголы падения // Р. П. Попова (отв. ред.). Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. научных статей. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского гос. ун-та им. Питирима Сорокина, 2017. С. 86–94.
- Крулякова 2010 — В. А. Крулякова. Семантика глаголов вращения в типологической перспективе. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: Российский гос. гуман. ун-т, 2010.
- Кустова 2004 — Г. И. Кустова. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Майсак 2005 — Т. А. Майсак. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянской культуры, 2005.
- Майсак, Рахилина 2007 — Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М.: Индрик, 2007.
- Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Рахилина, Резникова 2013 — Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 3–31.
- Рахилина и др. 2010a — Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова, А. А. Бонч-Осмоловская. Типология преобразования конструкций: предикаты боли // Е. В. Рахилина (ред.). Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010. С. 456–540.
- Рахилина и др. 2010b — Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова, О. С. Карпова. Семантические переходы в атрибутивных конструкциях: метафора, метонимия и ребрендинг // Е. В. Рахилина (ред.). Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010. С. 396–455.
- Brugman 1988 — С. М. Brugman. The story of «over»: Polysemy, semantics, and the structure of the lexicon. New York: Garland, 1988.
- Dolscheid et al. 2013 — S. Dolscheid, Sh. Shayan, A. Majid, D. Casasanto. The Thickness of Musical Pitch: Psychophysical Evidence for Linguistic Relativity // Psychological Science. 2013. Vol. 24. Iss. 5. P. 613–621.
- François 2008 — A. François. Semantic maps and the typology of colexification: Intertwining polysemous networks across languages // M. Vanhove (ed.). From Polysemy to Semantic change: Towards a Typology of Lexical Semantic Associations [Studies in Language Companion Series, 106]. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2008. P. 163–215.
- Georgakopoulos, Polis under revision — T. Georgakopoulos, S. Polis. Dynamic semantic maps of content words. The diachrony of time-related lexemes // Journal of Historical Linguistics, under revision.
- Haspelmath 1990 — M. Haspelmath. The Grammaticization of Passive Morphology // Studies in Language. 1990. Vol. 14. No 1. P. 25–72.
- Heine, Kuteva 2002 — B. Heine, T. Kuteva. World Lexicon of Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

- Kopecka, Narasimhan (eds.) 2012 — A. Kopecka, B. Narasimhan (eds.). *Events of Putting and Taking: A crosslinguistic perspective*. Amsterdam: John Benjamins, 2012.
- Lakoff 1987 — G. Lakoff. *Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind*. Chicago, London: University of Chicago Press, 1987.
- Lakoff, Johnson 1980 — G. Lakoff, M. Johnson. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- List et al. 2018 — J.-M. List, S. Greenhill, C. Anderson, Th. Mayer, T. Tresoldi, R. Forkel. CLICS2: An improved database of cross-linguistic colexifications: Assembling lexical data with the help of cross-linguistic data formats // *Linguistic Typology*. 2018. Vol. 22. Iss. 2. P. 277–306.
- Majid, Bowerman (eds.) 2007 — A. Majid, M. Bowerman (eds.). *Cutting and breaking events: A crosslinguistic perspective* // *Cognitive Linguistics*. 2007. Vol. 18. Iss. 2 [Special issue].
- Speed et al. (eds.) 2019 — L. J. Speed, C. O’Meara, L. San Roque, A. Majid. *Perception Metaphors*. [Converging Evidence in Language and Communication Research. Vol. 19]. Amsterdam: John Benjamins, 2019.

References

- Bagirokova, Ryzhova (in press) — I. G. Bagirokova, D. A. Ryzhova. *Metaforiy glagolov padeniya v adygeyskom yazyke* [Metaphorical extensions of the verbs of falling in West-Circassian]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* (in press).
- Britsyn et al. 2009 — V. M. Britsyn, E. V. Rakhilina, T. I. Reznikova, G. M. Yavorskaya (eds.). *Kontsept BOL v tipologicheskom osveshchenii* [The concept of PAIN from a typological perspective]. Kyiv: Vidavnicхий dim Dmitra Burago, 2009.
- Brugman 1988 — C. M. Brugman. The story of “over”: Polysemy, semantics, and the structure of the lexicon. New York: Garland, 1988.
- Dolscheid et al. 2013 — S. Dolscheid, Sh. Shayan, A. Majid, D. Casasanto. The Thickness of Musical Pitch: Psychophysical Evidence for Linguistic Relativity. *Psychological Science*. 2013. Vol. 24. Iss. 5. P. 613–621.
- François 2008 — A. François. Semantic maps and the typology of colexification: Intertwining polysemous networks across languages. M. Vanhove (ed.). *From Polysemy to Semantic change: Towards a Typology of Lexical Semantic Associations* [Studies in Language Companion Series, 106]. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2008. P. 163–215.
- Georgakopoulos, Polis under revision — T. Georgakopoulos, S. Polis. Dynamic semantic maps of content words. The diachrony of time-related lexemes. *Journal of Historical Linguistics*, under revision.
- Goto, Say 2009 — K. V. Goto, S. S. Say. Chastotnye kharakteristiki klassov russkikh reflektivnykh glagolov [Frequency characteristics of Russian reflexive verbs]. V. A. Plungyan, E. V. Rakhilina, S. G. Tatevosov, K. L. Kiseleva (eds.). *Korpusnye issledovaniya po russkoy grammatike* [Corpus Studies on Russian Grammar]. Moscow: Probel-2000, 2009. P. 184–223.

- Haspelmath 1990 — M. Haspelmath. The Grammaticization of Passive Morphology. *Studies in Language*. 1990. Vol. 14. No 1. P. 25–72.
- Heine, Kuteva 2002 — B. Heine, T. Kuteva. World Lexicon of Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Kashkin 2017 — E. V. Kashkin. Komi yazyk i leksicheskaya tipologiya: glagoly padeniya [Komi and lexical typology: verbs of falling]. R. P. Popova (ed.). *Permistika-16: Dialekty i istoriya permskikh yazykov vo vzaimodeystvii s drugimi yazykami: sbornik nauchnykh statey* [Permistics-16. Dialects and history of the Permian languages in interaction with other languages: edited volume]. Syktyvkar: Pitirim Sorokin Syktyvkar State University Press, 2017. P. 86–94.
- Kopecka, Narasimhan (eds.) 2012 — A. Kopecka, B. Narasimhan (eds.). Events of Putting and Taking: A crosslinguistic perspective. Amsterdam: John Benjamins, 2012.
- Kruglyakova 2010 — V. A. Kruglyakova. Semantika glagolov vrashcheniya v tipologicheskoy perspektive. Diss. ... kand. filol. nauk [Semantics of rotation verbs in a typological perspective. Phil. cand. diss.]. Moscow: Russian State University for Humanities, 2010.
- Kustova 2004 — G. I. Kustova. Tipy proizvodnykh znacheniy i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya. [Types of derived meanings and mechanisms of language extension]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004.
- Lakoff 1987 — G. Lakoff. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago, London: University of Chicago Press, 1987.
- Lakoff, Johnson 1980 — G. Lakoff, M. Johnson. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- List et al. 2018 — J.-M. List, S. Greenhill, C. Anderson, Th. Mayer, T. Tresoldi, R. Forkel. CLICS2: An improved database of cross-linguistic colexifications: Assembling lexical data with the help of cross-linguistic data formats. *Linguistic Typology*. 2018. Vol. 22. Iss. 2. P. 277–306.
- Majid, Bowerman (eds.) 2007 — A. Majid, M. Bowerman (eds.). Cutting and breaking events: A crosslinguistic perspective. *Cognitive Linguistics*. 2007. Vol. 18. Iss. 2 [Special issue].
- Maysak 2005 — T. A. Maysak. Tipologiya grammatikalizatsii konstruktsiy s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii [Typology of Grammaticalization of the Constructions with Motion and Posture Verbs]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2005.
- Maysak, Rakhilina 2007 — T. A. Maysak, E. V. Rakhilina (eds.). Glagoly dvizheniya v vode: leksicheskaya tipologiya [The typology of Aquamotion verbs]. Moscow: Indrik, 2007.
- Paducheva 2004 — E. V. Paducheva. Dinamicheskie modeli v semantike leksiki [Dynamic models in lexical semantics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004.
- Rakhilina, Reznikova 2013 — E. V. Rakhilina, T. I. Reznikova. Freymovyy podkhod k leksicheskoy tipologii [A Frame-based methodology for lexical typology]. *Vooprosy yazykoznaneya*. 2013. No. 2. P. 3–31.
- Rakhilina et al. 2010a — E. V. Rakhilina, T. I. Reznikova, A. A. Bonch-Osmolovskaya. Tipologiya preobrazovaniya konstruktsiy: predikaty boli [A Typology

- of Construction Modifications: Pain Predicates]. E. V. Rakhilina (ed.). *Lingvistika konstruktivnykh* [Linguistics of constructions]. Moscow: Azbukovnik, 2010. P. 456–540.
- Rakhilina et al. 2010b — E. V. Rakhilina, T. I. Reznikova, O. S. Karpova. Semanticheskie perekhody v atributivnykh konstruktivnykh: metafora, metonimiya i rebrending [Semantic Shifts in Attributive Constructions: Metaphor, Metonymy, and Rebranding]. E. V. Rakhilina (ed.). *Lingvistika konstruktivnykh* [Linguistics of constructions]. Moscow: Azbukovnik, 2010. P. 396–455.
- Speed et al. (eds.) 2019 — L. J. Speed, C. O'Meara, L. San Roque, A. Majid. Perception Metaphors. [Converging Evidence in Language and Communication Research. Vol. 19]. Amsterdam: John Benjamins, 2019.
- Vostrikova 2003 — N. M. Vostrikova Grammatikalizatsiya glagolov kauzatsii dvizheniya i izmeneniya polozheniya v prostranstve [Grammaticalization of caused-motion and posture change verbs]. A. S. Narinyani (ed.). *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog-2003»* (Protvino, 11–16 iyunya, 2003 g.) [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Proceedings of the International Conference Dialogue-2003 (Protvino, 11–16 June 2003)]. Moscow: Russian State University for Humanities Publishing House, 2003.